
УДК 340+342+347+ 341+34.01+343+346 +082

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. Wyszogrodzka, 16

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zł.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Naukowe prace, praktyka, opracowania, innowacje 2013 roku„. (30.12.2013 - 31.12.2013) - Zakopane: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013. - 88 str.

ISBN: 978-83-63620-22-6 (t.4)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji 30.12.2013 - 31.12.2013 roku. Zakopane.

Część 4.

УДК 340+342+347+ 341+34.01+343+346 +082

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

ISBN: 978-83-63620-22-6 (t.4)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

**SEKCJA 26. PRAWOZNAWSTWO.
(ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

1. Сусь М.Ф.	6
ЦИФРОВА НЕРІВНІСТЬ ЯК БАР'ЄР ВВЕДЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО ВРЯДУВАННЯ В УКРАЇНІ	
2. Каримова А.И.	9
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
3. Щербинина Ж.А.	12
МЕТОДЫ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
4. Васильев Д.Н., Николаев П.Д.	14
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
5. Сывороткина И.Ю.	16
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (ПРАВОВОЙ СТАТУС) ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ЗАВЕЩАНИЯ	
6. Павлик В. С.	22
ОСОБЛИВОСТІ ВІДШКОДУВАННЯ ШКОДИ, ЗАВДАНОЇ ОРГАНАМИ ДЕРЖАВНОЇ ВЛАДИ	
7. Айзикова Я.М.	25
ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЕВРОПЕ	
8. Чернова Э.Р.	28
ОБ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
9. Мусабеков Б. Нускабаев Е.Н.	30
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	
10. Шевчук І. М.	33
СУДОВИЙ КОНСТИТУЦІЙНИЙ КОНТРОЛЬ ЯК ЕЛЕМЕНТ ПРАВОВОЇ ОХОРОНИ КОНСТИТУЦІЇ	
11. Чернова Э.Р.	36
ВЕРТИКАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
12. Ханова Л.Р.	38
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
13. Сафина А.Д., Губайдуллина К.М.	40
ЗАКОН ДИМЫ ЯКОВЛЕВА – ЗАКОН В ИНТЕРЕСАХ ДЕТЕЙ ИЛИ ОЧЕРЕДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ	
14. Столпеченкова Е.С.	42
ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИИ	

15. Чернякова О.О.....	44
ГЕНДЕРНА РІВНІСТЬ У СУЧАСНОМУ МІЖНАРОДНОМУ ПУБЛІЧНОМУ ПРАВІ	
16. Северінова А.О.....	46
МІЖНАРОДНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ІНФОРМАЦІЙНОЇ БЕЗПЕКИ	
17. Кулмухаметова Л.И.	49
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
18. Яковлева Е. С.	51
ИННОВАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНЫХ НАЛОГАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
19. Степанова Г.В.	54
СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	
20. Ишмухаметова Э.А.	56
ПОНЯТИЕ «МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ»: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
21. Полякова Е.В.....	60
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
22. Рамазанова А.Р.....	63
ДУАЛИЗМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
23. Чиликина Л.А.	66
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	
24. Бортняк А.Ф.....	68
ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК АССОЦИАТИВНЫЙ ПРОЦЕС	
25. Ямщикова С. Л.....	70
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА	
26. Блавацька О.М.	73
ПОНЯТТЯ «ЗЛОЧИН» В ІНТЕРПРЕТАЦІЯХ АНТИЧНИХ ФІЛОСОФІВ	
27. Костюк О.М.....	75
ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ТЛУМАЧЕННЯ У РАДЯНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ	
28. Часова Т.О.	77
ДЕЯКІ ОРГАНІЗАЦІЙНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ПРОВЕДЕННЯ СУДОВОЇ ЕКСПЕРТИЗИ ПРИ РОЗСЛІДУВАННІ КРИМІНАЛЬНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ, ПОВ'ЯЗАНИХ ІЗ ПРОВЕДЕННЯМ БУДІВЕЛЬНИХ РОБІТ ЗА ДЕРЖАВНІ КОШТИ	

29. Сулейманов И.И.	80
К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ БЮДЖЕТА	
30. Талачева Э.Ф.	82
К ВОПРОСУ О РАСХОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА НА ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ И СПОРТ	
31. Асфандияров А.Р.	84
К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
32. Акчулпанова А.Ф., Магадиева А.У.	86
ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В РОССИИ	

Сусь М.Ф.

студентка 4 курсу Національного університету «Острозька академія»

ЦИФРОВА НЕРІВНІСТЬ ЯК БАР'ЄР ВВЕДЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО ВРЯДУВАННЯ В УКРАЇНІ

Сучасне українське суспільство рухається в напрямку становлення інформаційного суспільства, в якому все більша кількість операцій здійснюється з використанням інформації та знань. На сьогодні новим ресурсом є включеність суспільства у світ комунікаційних та інформаційних технологій, володіння та використання якого дає можливість зайняти більш вигідну позицію і визначає соціальний статус людини в цілому.

Проте, відмінності у доступі до інформаційних технологій призводять до нового виду соціальної нерівності. Ця нерівність називається «інформаційна нерівність» (або цифрова нерівність «digital inequality»). «Цифрова нерівність» – дедалі глибша нерівність у доступі до соціальних, економічних, освітніх, культурних та інших можливостей унаслідок нерівного доступу до інформаційних комп'ютерних технологій.

Поняття «цифрової нерівності» або як його ще називають «цифрового розриву» (digital divide), уперше серйозно прозвучало 1997 року в ухваленій ООН Програмі розвитку. Цей історичний документ охопив практично всі відомі на той час глобальні загальнолюдські проблеми й накреслив вектори розвитку землян. Проблема «цифрової нерівності» набула несподівано великого резонансу у світі. Висловлювалися полярні точки зору: від визнання цієї проблеми однією з глобальних загроз для держав і суспільств в інформаційну добу до визначення її як надуманої, такої, що сприяє подальшому збагаченню комп'ютерних і телекомунікаційних корпорацій. Згодом дискусії перейшли в площину розробки практичних рекомендацій із подолання «цифрової нерівності» як у міжнародному масштабі, так і в масштабах окремих держав [3].

Інформаційна нерівність являється наслідком цілої низки причин: різниця і рівні доходів, грамотності та освіти, ступені розвитку певних навичок, розбіжності у сфері

бізнесу, культури, законодавстві, задоволеності життям. Розглядаючи інформаційну нерівність, варто зауважити, що вона вивчається на 3 рівнях:

- ✓ на мікрорівні: соціальні групи, соціальні організації, індивіди);
- ✓ на мезорівні (села, міста, райони, області);
- ✓ на макрорівні (країни, регіони).

Серед найважливіших наукових доробків, які стосуються аналізу інформаційної нерівності варто зазначити концепцію Я.Нільсена, який виділяє 3 види інформаційної нерівності:

1. **Economic Divide** – це визначення економічної нерівності, згідно якої, певна частина населення не може дозволити собі придбання комп'ютера.
2. **Usability Divide** – цей вид нерівності полягає у тому, що навіть маючи комп'ютер, деяка частина користувачів не може використовувати його з користю, оскільки більшість з доступних сервісів занадто важкі, аби ця група користувачів змогла їх зрозуміти.
3. **Empowerment Divide** – даний вид нерівності означає, що навіть коли будуть комп'ютер та Інтернет надзвичайно легкими у використанні, далеко не всі повністю використовуватимуть можливості, доступні завдяки новітнім технологіям.

Це свідчить про те, що класифікація Якоба Нільсена не виходить за межі нерівності у можливостях та вміннях використовувати комп'ютер та Інтернет[4].

Інформаційна нерівність являє собою нерівні можливості з огляду на доступ, використання і виробництво інформації і знання, а також використання нових технологій для розвитку. Такий вид нерівності відображає поєднання загальних соціально-економічних проблем і конкретних проблем недостатнього розвитку інфраструктури, відносно високої вартості доступу до цієї інфраструктури, слабкого розвитку національного і місцевого інформаційного наповнення, а також нездатності основної маси людей отримувати переваги з інформаційно-інтенсивної діяльності [2, с. 53-54].

Проте все ще немає загальноприйнятої системи оціночних критеріїв з вимірювання глибини «цифрового розриву». Але є показники, за якими і так зрозуміло куди треба рухатись. Основні причини також відомі:

- ✓ невисокий рівень (як кількісний, так і якісний)
- ✓ використання населенням мережі Інтернету;
- ✓ недостатня кількість комп'ютерної техніки;
- ✓ слабка комп'ютерна освіта як користувачів порталів органів державної влади, так і державних службовців;
- ✓ проблеми фінансового забезпечення організацій і нестача коштів у населення;
- ✓ відсутність політичної волі для вирішення даної проблеми [1, с. 12-13].

Зараз можна спостерігати тенденцію щодо покращення ситуації у плані подолання цифрової нерівності. Як повідомило Українське Незалежне Інформаційне Агентство Новин, кількість абонентів Інтернету в Україні у I кварталі 2013 року зросло порівняно з аналогічним періодом 2012 року на 21,1%, і становило 5,435 млн осіб. Про це повідомляє Державна служба статистики України. Водночас понад 5 млн абонентів

становили домашні абоненти Інтернет, що на 23,4% більше, ніж у I кварталі 2012 року [5].

Сучасні дослідники «цифрової нерівності» виділяють основні проблемні напрями, вирішення яких буде сприяти вирішенню питання «цифрового розриву» в цілому [1, с. 15-16]. Зокрема вони сформульовані такі:

1. Формування сприятливих умов для розвитку інформаційного суспільства через створення відповідної законодавчої, суспільної та економічної бази.
2. Забезпечення потенційної можливості доступу населення до ІКТ за рахунок співпраці держави та приватного сектора економіки.
3. Забезпечення можливості отримання знань, вмінь та навичок використання ІКТ для всіх верств населення.
4. Створення системи мотиваційних чинників для залучення населення до використання ІКТ.

Проаналізувавши матеріал і реально оцінивши ситуацію, спостерігаємо таке явище, як неспроможність адаптуватися у інформаційному суспільстві і використовувати усі його переваги. Саме до таких наслідків призводить інформаційна нерівність, і саме сільські жителі і люди старшого віку, стають жертвами цього процесу.

Список використаної літератури

1. Остапчук В.С. Проблеми інформаційного суспільства в Україні /В.С.Остапчук// Вісник Луцького державного технічного університету. – 2012. – №5. С. 3–16.(5).
2. Сіленко А. Цифрова нерівність як глобальна соціально-політична проблема /А.Сіленко //Політичний менеджмент. – 2006. – № 3. – С.51-62.(3)
3. Баранов О. Над «цифровою прірвою» [Електронний. ресурс] /О.Баранов // «Дзеркало тижня», 2003. – №2. – Дата доступу: 15.10.2013. - Режим доступу: http://gazeta.dt.ua/ECONOMICS/nad_tsifrovoyu_prirvoyu.html.(1)
4. Jakob Nielsen Digital Divide «The Three Stages». /[Електронний. ресурс]/ 2006. – Дата доступу: 15.10.2013. – Режим доступу: <http://www.useit.com/alert7box/digital7divide.html>.(2)
5. «Кількість абонентів Інтернету в Україні зросла до 5,435млн» [Електронний. ресурс] / «УНІАН», 27.09.2013. – Дата доступу: 15.10.2013. - Режим доступу: <http://economics.unian.net/ukr/news/167514-kilkist-abonentiv-internetu-v-ukrajini-zroslo-do-5435-mln.html>-

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЕВРОПЕ

Ключевые слова/Keywords: Европейский суд по правам человека/European Court of Human Rights, Европейский суд/European Court of Justice, Конвенция о защите прав человека/European Convention on Human Rights.

Принято считать, что права человека в Европе, особенно в ЕС, достаточно защищены. Но это не всегда так. Параллельное существование двух европейских юрисдикций приводит к серьезным сомнениям касательно правовых гарантий. Структурная реформа отношений между Европейским судом по правам человека (далее ЕСПЧ) и Европейским судом – и вообще между Евросоюзом (далее ЕС) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ) – является крайне необходимой.

В Европе соблюдение прав человека контролируется двумя разными инстанциями: Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге и Европейским судом в Люксембурге. Оба суда выносят в установленном законом порядке судебные решения [1, ст. 46], однако, они не связаны между собой ни на производственном, ни на организационном уровне и даже не дополняют друг друга. Тем не менее, существуют некоторые точки сопряжения: все государства-члены Евросоюза (далее ЕС) также являются сторонами в договоре (участниками) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. И хотя круг полномочий обоих учреждений материально, штатно и территориально отличается, он совпадает выборочно, а именно в случаях нарушения основных прав в области применения Европейского законодательства государствами-членами ЕС. Параллельное существование двух судов потенциально связано с различными проблемами и опасностями.

Начиная с семидесятых, Европа постепенно интегрировала ЕКПЧ в свое правовое поле. ЕКПЧ неоднократно признавалась в Европейском законодательстве: с одной стороны, явной ссылкой в статье 6, пункт 3 Договора Европейского Союза, а также в статье 52 этого же договора, пункте 3, и в статье 53 Хартии ЕС о конституционных правах Европы; с другой стороны в практике Европейского суда, при направлении на судопроизводство ЕСПЧ и его соблюдении.

Наряду с этим, Европейский суд при определении и обеспечении прав человека опирается на другие основы, чем ЕСПЧ, в частности, на общие принципы прав ЕС. ЕСПЧ, однако, несет самостоятельно полную ответственность за толкование и применение ЕКПЧ и протоколов к ней (статья 32 ЕКПЧ). Он формально не привязан ни к какой другой юрисдикции, однако в случаях, касающихся Европейских дел, он придерживается законодательства Европы [2, ст. 14]. На этом фоне риск некогерентной юриспруденции в области прав человека становится очевидным, поскольку государствам-членам ЕС могут быть навязаны противоречивые обязательства. На самом деле, сохранение когерентности прав

человека в Европе зависит исключительно от не гарантированной благосклонности двух европейских судов. Это выражается, с одной стороны, в обоюдном принятии во внимание судопроизводства ЕСПЧ и Европейского суда, а с другой, в регулярных неформальных столкновениях между ЕСПЧ и Европейским судом. На практике уже известны два случая, в которых Европейский суд выносил более жесткие приговоры, чем в ЕСПЧ [3, ст. 6]. Объединяющее правовое регулирование во избежание подобных конфликтов в юрисдикции является логически необходимым.

Наличие противоречивых суждений, имеющих юридическую силу, представляет проблему для государств-членов ЕС, которые должны будут нести ответственность за вытекающие последствия. Действительно, они обязаны учитывать как правовые нормы ЕС, так и решения ЕСПЧ (пункт 1 Конвенции статья 46). Приведение приговора ЕСПЧ в исполнение по сути требует изменений в Европейском законодательстве, что делает обязательным привлечение третьих лиц (институтов ЕС и других государств-членов ЕС). Это может послужить поводом для сложных переговоров и привести к конфликту интересов, который затрудняет и продлевает процесс исправления нарушений положений ЕКПЧ. В качестве примера такой проблемы можно рассмотреть спор между Великобританией и Испанией о проведении выборов в Европейский парламент в оспариваемой области Гибралтар в соответствии с решением ЕСПЧ. После многолетних безуспешных переговоров о внесении поправок в соответствующее первичное законодательство ЕС Великобритания приняла в одностороннем порядке национальный акт введения выборов в Гибралтаре. Кризис в отношениях между Испанией и Англией обострился до тех пор, пока Европейский суд не одобрил и не признал меры, принимаемые в Великобритании, необходимыми. Между общим приговором ЕСПЧ и его окончательным приведением в исполнение прошло семь лет.

С присоединением к ЕКПЧ государства обязались соблюдать и подчиняться положениям ЕСПЧ. В рамках процесса европейской интеграции государства-члены ЕС все в большей и большей степени передавали суверенные полномочия ЕС. Таким образом, возникло расхождение положений ЕКПЧ и Европейского законодательства. В следствии этого, государства-члены ЕС передали ответственность за решение спорных вопросов с ЕКПЧ на ЕС. ЕС эту ответственность формально не принял, так как он по-прежнему отделен от аппарата ЕКПЧ. Он не состоит в ЕКПЧ и не может быть ответчиком в ЕСПЧ. Это, очевидно, приводит к асимметрии между компетентностью и ответственностью. В результате это удвоенное и формально несогласованное правосудие в Европе приводит к недостаточной защите прав человека и неудовлетворительному обеспечению правопорядка и обременяет граждан ЕС, не налагая никаких обязательств на государства-члены ЕС.

Со временем оба суда разработали способы избежания конфликтов. В то время, как Европейский суд в целом учитывает решения ЕСПЧ и постоянно на них ссылается, ЕСПЧ разработал в своей судебной практике некоторые соответствующие Европейскому законодательству правила по рассмотрению жалоб на правовые решения или отказ в принятии правовых решений, принятых на основании национального законодательства. Чтобы с одной стороны поспособствовать соблюдению и ускорению международного сотрудничества – в частности, в Европе – а с другой стороны, защитить права человека и сохранить собственное влияние,

ЕСПЧ разработал принцип защиты основных прав, зафиксированных в ЕКПЧ, в основе которого лежит презумпция положений Конвенции по отношению к законодательствам европейских стран. Это произвольное допущение можно рассматривать и как выражение доверия, и как призыв к ответственности при принятии правовых решений в ЕС и Европейском суде [4, с. 39].

Присоединение ЕС к ЕКПЧ внесет существенный вклад в разъяснение отношений между Европейским судом и ЕСПЧ, обеспечивая тем самым правовую определенность и взыскание за нарушения прав человека в Европе. Поэтому после более, чем 30 лет политических и правовых дискуссий, его фактическая реализация весьма желательна.

Литература

1. Art. 46, European Convention on Human Rights URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
2. Art. 14, European Convention on Human Rights URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
3. Art. 6, European Convention on Human Rights URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
4. Dialogue between judges. 50 of the European Court of Human Rights viewed by its fellow international courts, Strassburg 2009, 29- 43, P. 39.

Мусабеков Б.

магистр 2-курс

Нускабаев Е.Н.

кандидат юридических наук

по специальности «Правоведение»

Международный казахско-турецкий университет им.Х.А.Ясави

г. Туркестан

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Резюме: Конституционные реформы, проводимые в республике Казахстан, направлены на демократизацию политической системы общества, в этой связи дальнейшее исследование конституционных новелл, а также тех преобразований, которые введены в соответствии с изменениями и дополнениями в конституцию Казахстана является одним из приоритетных задач современной конституционно-правовой науки.

Ключевые слова: Конституционные реформы, социальная сфера, Ассамблея, право.

В настоящее время одной из наиболее актуальных задач и приоритетных направлений в законотворческой деятельности государственных органов является обеспечение социально-экономической стабильности в условиях мирового экономического кризиса. Не случайно с первых строк своего Послания Глава государства обращается к Стратегии развития Казахстана, выступившей своего рода «ядром» консолидации казахстанского общества для решения сложнейших задач по выходу из системного социально-экономического кризиса начального периода реформирования [1, с.19-22].

Общеизвестно, что наиболее опасным последствием экономических кризисов является социальный взрыв: социальная сфера в кризисных условиях может накопить значительный конфликтный потенциал, ведущий к политической нестабильности. В этой связи в свете новых вызовов, с которыми может столкнуться казахстанское общество, на первый план выходит задача обеспечения социальной стабильности, суть которой заключается в сохранении социальных показателей на уровне, не ниже предельно допустимого.

Осуществление конституционной реформы предполагается по следующим направлениям:

- усиление роли Парламента Республики Казахстан путем расширения объема его полномочий, а также увеличение численности депутатского корпуса в целом;

- демократизация избирательной системы Республики Казахстан путем введения пропорциональной системы выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан;

- формирование Правительства на основе демократического принципа парламентского большинства и усиление контрольных функций Парламента Республики Казахстан за деятельностью Правительства;

- усиливается роль и значение прав человека в развитии правовой государственности Республики Казахстан, на что направлено фактическое упразднение смертной казни, судебное санкционирование ареста, а также усиление контрольных и надзорных функций центральных и местных органов власти, имеющих своей целью защиту и обеспечение прав и свобод человека и гражданина в Республике Казахстан. Повышается роль и значение института омбудсмена, а также Комиссии по правам человека при Президенте РК в функционировании институтов гражданского общества [2, с.50-52]. Заслуживают внимания изменения в Конституции, касающиеся повышения роли партий парламентского большинства в организации и деятельности Правительства, которое призвано проводить политику победившей партии.

В принципе отрицая идеальной конструкции (когда законодательная власть принадлежит всему народу), Ш. Монтескье отмечал, что в больших государствах это невозможно, и констатирует дальше, что и в маленьких государствах это представляет большие неудобства, поэтому необходимо, «чтобы народ делал посредством представителей то, что он не может сделать сам». Развивая на практике данную теорию в многонациональном Казахстане, большой интерес представляет опыт работы Ассамблеи Народов Казахстана, которая в настоящее время трансформирован в Ассамблею Народа Казахстана. Особенно вызывает одобрение - усиление роли этого конституционного института в целях консолидации казахстанского общества, которое наделено правом выдвижения депутатов, Мажилиса, что способствует учету интересов крупных этносов в Республике. Ассамблея народа Казахстана приобретает конституционный статус, что поднимает на новую ступень её роль и авторитет в многонациональном, многоконфессиональном Казахстане.

Статья 44 Конституции дополнена следующими положениями согласно которым Президент Республики образуют Ассамблею народа Казахстана.

Весьма продуктивной является идея развития местного самоуправления, которой отводится ключевая роль - маслихатам как основе местного самоуправления. Право населения на местное самоуправление обеспечивается правом каждого гражданина Республики Казахстан на осуществление местного самоуправления. Оно закреплено в ст. 89 Конституции РК, согласно которой граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления, как непосредственно, так и через своих представителей. Гражданам гарантируется право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления, право равного доступа к государственной службе, право обращаться в органы местного самоуправления. В этой связи позитивными - представляются изменения, направленные на повышение полномочий маслихатов, получающих право давать согласие на назначение соответствующих Акимов. Повышается ответственность как самих маслихатов, так и депутатов маслихата, которые становятся новыми центрами политической силы на уровне регионов и области. Значительно возрастает их влияние на акимов, поскольку депутаты могут выразить вотум недоверия акиму простым большинством голосов, а не двумя третями голосов как было ранее.

Считаем справедливыми установление равных сроков полномочий всех субъектов политической и государственной власти: от Президента до местных представительных органов.

Усиление роли представительных органов власти путем расширения

функций явилось основным коррективом в действующую Конституцию Республики Казахстан, принятым Парламентом РК - высшим представительным органом Республики.

Данные дополнения и изменения в Конституцию дают широкий круг полномочий, реализуемых в процессе мониторинга над деятельностью исполнительных органов власти. С уверенностью можно назвать принятые изменения и дополнения в Конституцию историческим этапом в становлении казахстанского конституционализма.

В целях дальнейшего строительства гражданского общества в Казахстане будет укрепляться роль неправительственных организаций и профессиональных союзов, а также средств массовой информации, что будет способствовать дальнейшему формированию высокой правовой культуры и правового сознания нашего населения.

Конституционная реформа в Казахстане проводится в интересах личности и общества, способствует дальнейшему развитию демократических процессов, формированию народовластных институтов, что безусловно, создаст условия для совершенствования политической системы казахстанского общества и формированию казахстанского парламентаризма [3, с. 8-10].

На наш взгляд дальнейшее конституционное развитие Республики Казахстан, прежде всего, связано с реальным воплощением демократических идей и ценностей, заложенных в Основном законе страны. На сегодняшний день имеющиеся демократические традиции и опыт казахстанской государственности позволяют объявить права, свободы и интересы личности приоритетными ценностями общества, находящимися под защитой государства. Государство, как инструмент защиты граждан, должно стать тем органом, который не только провозглашает, но и реализует общепризнанные демократические свободы и ценности.

Курс на построение правового государства и стабилизационная политика, осуществляемая Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым, неоднократно в истории нашего молодого государства способствовали мобилизации и сплочению казахстанского общества в ответственные для страны моменты. Сегодня наступил еще один такой момент, и президентский курс на стабильность выступает в качестве стержневого элемента, концентрирующего усилия общества на решение сложных задач текущего периода.

Литературы

1. Конституция Республики Казахстан. 1995, 30 августа.
2. Конституция Республики Казахстан. –Астана, 2007.
3. Конституция РК. Научно-практический комментарий. –Алматы: Раритет, 2010г.

Шевчук І. М.

канд. пед. наук, доцент кафедри теорії та історії держави і права
Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки

СУДОВИЙ КОНСТИТУЦІЙНИЙ КОНТРОЛЬ ЯК ЕЛЕМЕНТ ПРАВОВОЇ ОХОРОНИ КОНСТИТУЦІЇ

Ключові слова / Key words: Конституційний Суд України / the Constitutional Court of Ukraine, судовий конституційний контроль / judicial constitutional control, Конституція України / Constitution of Ukraine, порядок внесення змін до Конституції України / the order of the Constitution of Ukraine alteration.

Основним елементом правової охорони конституції є конституційний контроль. Судовий конституційний контроль служить забезпеченню верховенства і прямої дії Конституції України на всій території держави, запобігає появі неконституційних актів, забезпечує конституційну законність та безпосередньо пов'язаний з тлумаченням норм Конституції та законів України. Захист конституційних цінностей, які закріплені у Конституції України є сутністю та змістом судового конституційного контролю.

Судовий конституційний контроль є діяльністю компетентних судових та/або спеціалізованих судових органів щодо перевірки, оцінки, визначення відповідності законів, інших нормативно-правових актів Конституції і вирішення питання про їх застосування або щодо їх конституційності, яка здійснюється у формі судочинства і спрямована на забезпечення правової охорони Конституції, встановлених нею основ конституційного ладу, прав і свобод людини і громадянина, конституційної законності [1, с. 180].

До найбільш істотних ознак судового конституційного контролю пропонуємо віднести наступні: є підвидом соціального контролю; здійснюється Конституційним Судом України за спеціальними процедурами, які регламентуються Конституцією України та законом «Про Конституційний Суд України»; здійснюється не за власною ініціативою Конституційного Суду України, а за зверненням уповноважених на це суб'єктів; включає в себе нормативний контроль, тлумачення конституції і законів та вирішення конституційних спорів; рішення та висновки прийняті за результатами розгляду справ є остаточними і оскарженню не підлягають.

Судовий конституційний контроль за часом проведення поділяється на попередній (превентивний) і наступний (репресивний). Попереднім називають конституційний контроль, що поширюється на правовий акт, який ще розробляється й не вступив у законну силу, і наступний контроль, коли така перевірка здійснюється після прийняття акта.

За Конституцією України законопроект про внесення змін до Основного Закону розглядається Верховною Радою України за наявності висновку Конституційного Суду України щодо його відповідності вимогам статей 157 і 158 цієї Конституції. У такий спосіб Конституційний Суд України здійснює попередній (превентивний) контроль за змістом законопроекту про внесення змін до Конституції України до його прийняття Верховною Радою України (на стадії підготовки законопроекту до

розгляду). Положення статей 157 та 158 Конституції України містять імператив, яким заборонено вносити зміни до Конституції України всупереч умовам, наведеним у цих статтях [2].

Відповідно до положень Конституції України висновок Конституційного Суду України має бути надано до початку розгляду законопроекту про внесення змін до Конституції України на пленарному засіданні Верховної Ради України. Наявність висновку Конституційного Суду України про те, що законопроект відповідає вимогам статей 157 і 158 Конституції України, є умовою для його розгляду на пленарному засіданні Верховної Ради України.

Законопроект, який за висновком Конституційного Суду України відповідає вимогам статей 157 і 158 Конституції України і до якого було внесено поправки під час розгляду на пленарному засіданні Верховної Ради України, підлягає також перевірці Конституційним Судом України щодо відповідності цього законопроекту вимогам зазначених статей Конституції України перед прийняттям його як закону про внесення змін до Конституції України.

Лише Верховна Рада України може звернутись до Конституційного Суду України з питань надання висновку щодо відповідності законопроекту про внесення змін до Конституції України вимогам статей 157 і 158 Конституції України. Проте форма таких звернень потребує законодавчого врегулювання [2].

Попередній судовий конституційний контроль обмежується перевіркою змісту конституційних змін в частині недопущення скасування чи обмеження прав і свобод людини і громадянина, ліквідації незалежності чи порушення територіальної цілісності України та перевіркою дотримання процедури ухвалення конституційних змін теж в частині, яка визначена у статтях 157 і 158. Конституційний Суд України не має права встановлювати порушення конституційної процедури внесення змін, яка визначена у інших статтях Конституції України, зокрема у статтях 154–156.

У законодавстві України не передбачено, що наступний судовий конституційний контроль щодо закону про внесення змін до Конституції України після його прийняття Верховною Радою України здійснюється Конституційним Судом України. Однак, у Рішенні Конституційного Суду України від 26 червня 2008 року № 13-рп/2008 (у справі про повноваження Конституційного Суду України) визначено, що після прийняття Верховною Радою України закону про внесення змін до Конституції України, він може бути предметом наступного конституційного контролю. Конституційний Суд України повинен здійснювати наступний конституційний контроль і щодо закону про внесення змін до Конституції України після набрання ним чинності, оскільки відсутність судового контролю за процедурою його розгляду та ухвалення, визначеною у розділі XIII Конституції України, може мати наслідком обмеження чи скасування прав і свобод людини і громадянина, ліквідацію незалежності чи порушення територіальної цілісності України або зміну конституційного ладу у спосіб, що не передбачений Основним Законом України (абзац третій підпункту 3.2 пункту 3 мотивувальної частини) [3].

Конституційний Суд України визнає неконституційними закони та інші правові акти не лише у випадках, коли вони не відповідають Конституції України, а й тоді, коли «була порушена встановлена Конституцією України процедура їх розгляду, ухвалення або набрання ними чинності» (частина перша ст. 152 Конституції України).

Конституційний Суд України повинен обов'язково здійснювати наступний конституційний контроль після прийняття Верховною Радою України закону про внесення змін до Конституції України, коли існують сумніви щодо додержання процедури його розгляду й ухвалення. З'ясовуючи питання додержання конституційної процедури, Конституційний Суд України вирішує питання легітимності закону України про внесення змін до Конституції України.

Наступний судовий конституційний контроль є гарантом дотримання конституційної процедури розгляду, ухвалення, набрання чинності законами про внесення змін до Конституції України та контролює дотримання Верховною Радою України вимог статей 157 і 158 Конституції України в процесі внесення змін до неї вже після отримання Верховною Радою України висновку Конституційного Суду України.

Отже, судовий конституційний контроль покликаний забезпечити легітимність закону про внесення змін до Конституції України, а отже і стабільність Основного Закону. Попередній судовий конституційний контроль законопроектів про внесення змін до Конституції України здійснюється лише щодо перевірки його на відповідність вимогам статей 157 і 158 Конституції України, а наступний – щодо процедури його розгляду та ухвалення.

Література:

1. Савенко М. Д. Конституційний контроль змін до Конституції України / М. Д. Савенко // Вісник Конституційного Суду України. – 2011. – № 4–5. – С. 179–184.
2. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
3. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням 47 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положення підпункту 1 пункту 3 розділу IV Закону України «Про Конституційний Суд України» (в редакції Закону України від 4 серпня 2006 року № 79–V) (справа про повноваження Конституційного Суду України) : рішення Конституційного Суду України від 26 червня 2008 року № 13-рп/2008 // Офіційний вісник України. – 2008. – № 52. – Ст. 1742.

Чернова Э.Р.

кандидат юридических наук
доцент кафедры теории и истории государства
и права Стерлитамакского филиала БашГУ

ВЕРТИКАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова/ Keywords: федерализм/ federalism, органы государственной власти/ public authorities, разделение властей/ separation of powers, субъекты Российской Федерации/ subjects of the Russian Federation

Конституция России закрепила федеративную форму государственного устройства страны. При этом надо отметить, что российский федерализм, как и распределение власти по вертикали, установление сдержек и противовесов в отношениях между федеральными органами власти и органами субъектов, ее составляющих, постоянно развивается.

Особенность разделения власти по вертикали в России определяется тем, что отношения между Федерацией и ее субъектами традиционно строились и продолжают строиться на довольно жесткой, централизованной основе. Поэтому Федерации принадлежат не только те социально-экономические сферы и полномочия, которые необходимы для обеспечения жизнедеятельности единого государства, но и те, которые защищают от полной и окончательной дезинтеграции некогда централизованный политический организм. Так, к исключительному ведению Федерации отнесены вопросы судостроительства, законотворчество в гражданском, гражданско-процессуальном, уголовном, уголовно-процессуальном, арбитражно-процессуальном отраслях права.

Полномочия Федерации, закрепленные в статье 71 Конституции, реализуются через федеральные конституционные законы и федеральные законы, которые принимаются федеральным парламентом и непосредственно действуют на всей территории страны. В сфере совместного ведения принимаются федеральные законы и в соответствии с ними — законы и иные нормативные акты субъектов Федерации. По вопросам, которые находятся вне пределов ведения федерации и совместного ведения, субъекты Федерации принимают законы по своему усмотрению (ст. 76). Конституция не определяет, какими должны быть федеральные законы в сфере совместного ведения Федерации и субъектов.

Очевидно, они должны носить рамочный характер, позволяя субъектам Федерации полноценно отражать на нормативном уровне свою специфику. Статьи 11 и 78 Конституции России допускают заключение двусторонних договоров и соглашений между органами власти Федерации и субъектов Федерации. Предметом договоров между органами государственной власти Федерации и ее субъектов может быть лишь их компетенция, совокупность властных полномочий в определенных сферах общественной жизни, но никак не распределение предметов ведения. Договоры между органами государственной власти двух уровней должны использоваться лишь для детализации объема прав и обязанностей носителей государственной

власти по тем или иным вопросам, если в федеральных законах по предметам совместного ведения четко не обозначены властные «границы» федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации.

Законодательная власть в РФ состоит из двух уровней: законодательной власти РФ и законодательной власти ее субъектов, органы которой, в отличие от органов исполнительной и судебной ветвей власти, не образуют соподчиненную систему. Иерархическая соподчиненность органов законодательной власти РФ и ее субъектов не предусмотрена.

Исполнительная власть является более сложным комплексным образованием как по составу субъектов, их взаимоотношениям, так и по технологиям ее осуществления. В Российской Федерации систему исполнительной власти составляют федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ, между которыми складываются, наряду с конституционными отношениями, договорные отношения по поводу разграничения предметов ведения и полномочий. В систему исполнительной власти подлежат включению и органы исполнительной власти, формируемые субъектами Федерации самостоятельно вне пределов ведения Федерации и предметов ее совместного ведения с субъектами. Система органов исполнительной власти в России едина, при этом каждая из подсистем действует самостоятельно, отвечает за реализацию своих задач, имеет организационную и функционально-компетенционную специфику.

Судебная власть в Российской Федерации реализуется судами посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118). То есть Россия, как и большинство стран мира, придерживается полисистемной организации судебной власти. Организационная модель судебной власти в целом и каждого судебного органа, состав, структура, компетенция и иерархия различных судебных учреждений устанавливаются только федеральными конституционными законами.

Таким образом, разделение властей может быть охарактеризовано как система сбалансированных и урегулированных правом государственно-властных отношений, обусловленных функционированием и взаимодействием равноуровневой законодательной, исполнительной и судебной властей, имеющих своим назначением как обеспечение самостоятельности и полновластия каждой из основных ветвей государственной власти, так и их единства, а также целостности государственной власти в целом по вертикали политико-государственного устройства. Вертикальное разделение государственной власти является не только основой укрепления государства и повышения эффективности государственного управления, но и условием обеспечения демократии, соблюдения прав и свобод человека и гражданина в России.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова/ Keywords: образование/education, институт/institute, обучение/training, учащийся/pupil.

Проблема образования является одной из самых важных и актуальных в современной России, ведь от качества образования, существующего в конкретном обществе, во многом зависят темпы его экономического и политического развития, его нравственное состояние.

Основной институт современного образования – это школа. От других форм обучения она отличается многообразием подготовки учащихся, а также особыми технологиями, используемыми в процессе занятий. По своей сути она выполняет «заказ» общества, наряду с учебными заведениями иных типов осуществляет подготовку квалифицированных кадров для различных сфер человеческой деятельности.

Современное образование – средство решения важнейших проблем не только всего общества, но и отдельных индивидов. Это один из важнейших этапов в длительном процессе их социализации. «Посредством образования передается и трансформируется культура, воспроизводятся и создаются социальные функции и статусы», – писал Ж. Аллак. Образование существенно влияет на становление правового сознания человека. Оно относится к правам человека, и поэтому должно получать приоритет при распределении национальных ресурсов.

Общеобразовательная и профессиональная школа являются институтами социализации и воспитания молодежи. В образовательно-воспитательных учреждениях модернизируется и функционирует система жизнедеятельности, которая существенно влияет на здоровье человека во всех его измерениях. Поэтому научно обоснованные цели и содержание образования, гуманистический характер взаимодействия педагогов и учащейся молодежи, атмосфера, обеспечивающая самореализацию молодого человека, общение с людьми разных возрастов, должны господствовать в этих образовательно-воспитательных центрах.

Образование становится важнейшим фактором динамичного обновления российского общества. Оно существенно влияет на глобальные системные преобразования, происходящие в России по всем стратегическим направлениям (политика, экономика, социальная сфера и др.) его развития, а также интенсивная интеграция образовательного пространства нашего государства и мирового образовательного пространства. Интеграция российского образования в мировую образовательную систему требует всестороннего исследования различных областей науки, в том числе социологии образования. Научно обоснованный подход к интеграции образовательных пространств России и мира, позволяет целенаправленно осуществлять усиление влияния российской культуры в процессе развития человеческой цивилизации, и способствуют сохранению национального

менталитета.

Что касается, проблемы непосредственно бесплатного образования, то стоит заметить, что по статистике, в России из каждых десяти выпускников средней школы – восемь поступают в ВУЗы. При этом почти все они платят за обучение, даже в государственных учреждениях. Нет, бесплатное образование в нашей стране официально еще никто не отменял, но назвать его таковым становится очень сложно.

Почти все из современных институтов перешли на смешанную систему обучения, по которой одна часть студентов - бюджетники, а вторая - учащиеся за деньги, иначе говоря, на контрактной основе.

Поступить на платное обучение сравнительно просто, да и проще учиться. На бюджетное – во многих ВУЗах практически невозможно. Легко поступить на бюджетной основе в те факультеты, в которых происходит недобор учащихся, в силу малой общественной потребности в определенной профессии. Многие, попавшись на «ловушки» бюджета, пошли учиться не по специальности, лишь только для того, чтобы получить диплом о высшем образовании, ведь в современном мире без него обойтись невозможно. Сегодня многие родители понимают ситуацию и уже изначально нацелены на обучение по коммерческой программе, начиная копить чуть ли не с того момента, как ребенок пошел в первый класс.

В платном образовании есть и свои преимущества: для тех, кто действительно серьезно относится к учебе, здесь значительно больше возможностей. Больше уверенности и спокойствия, что не будешь отчислен за неуспеваемость, - что также немаловажно. И, наконец, основное достоинство, что, платя за обучение, люди больше начинают его ценить.

Согласно Конституции РФ, человек не может быть лишен своего законного права на образование только потому, что у его родителей нет денег – таких ограничений в рамках основного закона не предусмотрено.

Несомненно, у каждого человека есть право на выбор. Выбирая тот или иной ВУЗ, город, в котором он расположен, факультет, направление, форму обучения, человек по сути определяет свою судьбу на будущие 4-5 лет. Как и было сказано ранее, и у платного, и у бесплатного образования есть свои плюсы и минусы. Выбирая ту или иную основу, человек подписывает договор не только с ВУЗом, но и с самим собой.

Сафина А.Д.

студентка I курса СФ БашГУ

Губайдуллина К.М.

студентка I курса СФ БашГУ

Научный руководитель: к.ю.н. **Чернова Э.Р.**

ЗАКОН ДИМЫ ЯКОВЛЕВА – ЗАКОН В ИНТЕРЕСАХ ДЕТЕЙ ИЛИ ОЧЕРЕДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Ключевые слова/ Keywords: закон/ law, сироты/ orphans, усыновление детей/ adoption of children

21 декабря 2012 года Государственной Думой РФ был принят ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», так называемый «закон Димы Яковлева», принятие которого вызвало бурную реакцию общественности, широкую волну протестов, и резкую полемику в средствах массовой информации. Было высказано много мнений «за» и «против», однако до сих пор не удалось прийти к общему мнению.

Одним из пунктов данного закона является запрет на усыновление детей гражданами США. Но справедливо ли наказывать всех за одного? Ни для кого не секрет, что в России очень много сирот, которые нуждаются в опеке и семьях. Но, к сожалению, культурный уровень россиян еще не настолько развит, и усыновление семьей ребенка из детского дома в нашей стране воспринимается как подвиг. Если посмотреть статистику, то можно увидеть, что в 2011 году россияне усыновили 7416 детей и 14500 сирот усыновили именно граждане США. Причем нужно отметить, что американцы усыновляют больше всех детей-инвалидов. В 2010 году из 1016 усыновленных детей-инвалидов было 44, в 2011-м из 956 — 89. Анализируя эту ситуацию можно сказать, что принятый «закон Димы Яковлева» лишает большое количество детей на реальный шанс обретения семей.

Другая статистика показывает, что за последние годы погибло 19 детей из России в семьях США. Но стоит заметить, что детей, которые были благополучно усыновлены родителями из США гораздо больше. И тут же возникает мысль о том, что возможно здесь никто и не думал о детях. Главной задачей была ответная реакция на принятый в США «закон Магнитского», который явился открытым вызовом для России. Но стоило ли вмешивать детей в эту борьбу? Правильно ли это — использовать детей в качестве аргумента в международных спорах? Даже если рассматривать основные положения документов, можно сказать, что они похожи по своей сути. Это приводит к мысли, что запрет на усыновление российских детей американцами был попыткой симметричного ответа на «закон Магнитского». Очень не хочется полагать, что главными причинами принятия этого закона были внешнеполитические мотивы, но это становится очевидным из того, что не были должным образом просчитаны все последствия для внутренней социальной сферы в нашей стране. После принятия закона так же проводился опрос среди россиян. По мнению опрошенных для решения проблем сиротства российские власти должны, в первую очередь «облегчить

процедуру усыновления в самой России» (37%), «увеличить расходы на детские дома» (19%), «упростить процедуру усыновления для любых родителей, неважно – зарубежных или российских» (18%). При этом только 10% считает первоочередной по степени необходимости мерой, которую должны предпринять российские власти в отношении сирот, «запрет на усыновление в США» и еще меньше (6%) – «полный запрет иностранного усыновления» [2]. По результатам этого опроса можно сделать вывод, что существовали и другие меры защиты детей. В самой России очень мало делается для защиты, спасения и обеспечения хорошего роста и развития детей. Ведь дети не умирают от принятия или не принятия законов. Они умирают от того, что для их спасения было сделано далеко не всё.

Этот закон вызвал слишком резкую негативную реакцию и, к счастью, общественное мнение не осталось без внимания. Сейчас парламентарии обсуждают возможность разрешить смешанным русско-американским парам усыновлять российских сирот. Но опять по этому поводу разгорелись бурные споры. Многие депутаты СМИ говорят о том, что первый вариант закона «Димы Яковлева» был принят сгоряча. Однако спикер Госдумы Сергей Нарышкин заявил журналистам, что оснований для пересмотра закона Димы Яковлева он не видит [3]. На наш же взгляд, внесение поправок сможет улучшить данный закон и смягчить негативную реакцию общественности. Изменение закона не только ослабит острое политическое противоречие, но и даст возможность большому количеству детей обрести настоящую семью и воспитываться в нормальных условиях.

В заключение хотелось бы отметить, что дети не должны выступать как аргумент в международных спорах. О детях нужно заботиться и делать всё возможное для их развития, ведь это наше будущее поколение. Дети погибают и страдают не от того, что живут в американских или русских семьях, а от того, что им не обеспечивают и не должной защиты. Известный педиатр и хирург, президент Национальной медицинской палаты России Леонид Рошаль предложил установить в Москве «народный памятник Диме Яковлеву». По словам Л. Рошала, погибший несколько лет назад ребёнок «спасает у нас безродительских детей».

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7597.
2. Т. Ворожейкина Отношение россиян к принятому «закону Димы Яковлева» // URL: <http://www.levada.ru/30-01-2013/t-vorozheikina-otnoshenie-rossiyan-k-prinyatomu-zakonu-dimy-yakovleva>
3. СМИ: депутаты готовят поправки в закон Димы Яковлева // «Известия». URL: <http://investcafe.ru/news/33387>

Чернякова О.О.

студент Інституту підготовки юридичних кадрів для Служби безпеки
України Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого.

Науковий керівник:

викладач кафедри міжнародного права Національного юридичного університету
імені Ярослава Мудрого, кандидат юридичних наук, доцент

Стешенко Володимир Миколайович

ГЕНДЕРНА РІВНІСТЬ У СУЧАСНОМУ МІЖНАРОДНОМУ ПУБЛІЧНОМУ ПРАВІ

Питання правового регулювання захисту прав жінки відоме ще з давніх часів та залишається актуальним і в наш час. Становище жінки в суспільстві та впровадження гендерної рівності потребує уваги, оскільки встановлення рівного правового статусу жінки та чоловіка, можливостей для його реалізації дозволяє особам обох статей брати однакову участь у всіх сферах життєдіяльності суспільства.

Поняття гендерної рівності виникло на хвилі рівності прав чоловіка та жінки. При цьому неприпустимо сприймати за рівність однаковість, оскільки гендерні ролі не однакові за соціальним змістом, але потребують рівності в правових гарантіях реалізації можливостей різних статей. Концептуальною основою гендерної рівності є заперечення єдності стандарту без урахування гендерних відмінностей і заперечення стандарту чоловічого як універсального. У зв'язку з цим введено категорію прав людини-жінки. Це стало кроком до врахування специфіки статі як визначального чинника для всього комплексу прав людини. Визнання статевої особливості індивіда, конструювання суб'єкта права в його гендерному вимірі, тобто надання можливості реалізувати гендерну роль без обмеження загально соціального статусу, є суттю, ядром принципу рівності статей.

Принцип рівності статей саме в ХХ ст. отримав визнання і закріплення як на рівні міжнародного права, так і внутрішнього законодавства, створено юридичний механізм забезпечення реалізації принципу гендерної рівності.

У найзагальнішій формі принцип рівності чоловіків і жінок закріплений у Статуті ООН від 26.06.1945р. як зобов'язання поважати права всіх незалежно від статі. У Загальній Декларації прав людини від 10.12.1948р. було проголошено, що люди рівні незалежно від раси, кольору шкіри, національності, віросповідання, а також статі. На основі Декларації пізніше були прийняті інші документи про соціальні, культурні та економічні права, низка конвенцій та рекомендацій ООН.

18.12.1979р. ООН прийняла Конвенцію про ліквідацію всіх форм дискримінації щодо жінок. Конвенція проголосувала політику ліквідації дискримінації жінок вже на державному рівні та впровадження законодавчих заходів встановлення юридичного захисту.

Ще одним надзвичайно важливим нормативно-правовим актом, який встановлює певний механізм забезпечення практичного здійснення принципу рівноправності, є Пекінська декларація та Платформа дій від 15.09.1995р., схвалені

Четвертою Всесвітньою конференцією представницями з 189 країн, які відображають нові міжнародні зобов'язання щодо забезпечення рівності, розвитку та миру для всіх жінок.

Слід звернути увагу на те, що однією з ознак правової держави є гендерна рівність. Держава зобов'язана забезпечувати дотримання прав людини, передбачених міжнародним правом. Основною проблемою є декларативний характер гендерної рівності та формальність прав жінок. На шляху до встановлення гендерної рівності у нашому суспільстві стоять стереотипи масової свідомості, через які й досі розглядають жінку як слабку у порівнянні з чоловіком; кризова економічна ситуація; пасивність жіночих організацій та окремих жінок у відстоюванні своїх законних прав та свобод.

Україна, як демократична та правова держава, намагається дотримуватися міжнародного рівня захисту прав людини та безпосередньо впроваджувати міжнародні стандарти у сфері гендерної рівності. Так, було прийнято Закон України «Про забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків» від 08.09.2005р. № 2866-IV. Гендерна рівність, згідно Закону, означає рівний правовий статус жінок і чоловіків та рівні можливості для його реалізації, що дозволяє особам обох статей брати рівну участь у всіх сферах життєдіяльності суспільства.

Отже, можна зробити висновок, що гендерна політика пройшла декілька етапів розвитку: від встановлення загальнолюдських принципів рівності та політики правового захисту прав жінок до політики забезпечення рівних прав та можливостей.

Перший етап, як зазначалося вище, характеризується прийняттям таких нормативних актів, як: Загальна декларація прав людини 1948р., Конвенція про ліквідацію всіх форм дискримінації щодо жінок від 1979р., Пекінська декларація 1995р., які встановили загальнолюдські принципи рівності чоловіків і жінок та стали підґрунтям формування правових норм гендерної рівності вже на національному рівні. З їх прийняттям гендерна політика вийшла на новий етап розвитку: від встановлення принципу рівності чоловіків і жінок до його практичної реалізації. Тобто, на сьогодні принцип рівності закріплюється в головному законі держави, законах та підзаконних актах, що дає можливість практично втілити в життя принцип рівних прав та можливостей.

Але, все ж таки, не зважаючи на законодавче закріплення принципу рівності, дуже часто спостерігається дискримінація жінок, особливо в трудовій сфері. На мою думку, причинами виникнення даної ситуації є недосконалість законодавства та ті стереотипи, що стосуються соціальної ролі жінки в суспільстві. Будучи невід'ємною частиною прав людини, вони, на жаль, повною мірою не реалізуються в жодній державі.

На думку Аристотеля, потрібно в усьому шукати золоту середину, тому сучасне суспільство повинне шукати необхідний рівень забезпечення практичної реалізації задекларованих прав і можливостей жіночого населення, поєднуючи зусилля органів державної влади, місцевого самоврядування, наукових установ, засобів масової інформації та громадських організацій, не забуваючи про принцип соціокультурної та правової рівності жінок і чоловіків. Реальне забезпечення прав жінок і гендерної рівності є невід'ємним елементом досягнення високого рівня правової держави і громадянського суспільства.

Северінова А.О.

студент Інституту підготовки юридичних кадрів для Служби безпеки
України Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого.

Науковий керівник:

викладач кафедри міжнародного права Національного юридичного
університету імені Ярослава Мудрого, кандидат юридичних наук, доцент

Стешенко Володимир Миколайович;

МІЖНАРОДНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ІНФОРМАЦІЙНОЇ БЕЗПЕКИ

У сучасному суспільстві у зв'язку з дедалі більшим розвитком комунікаційних технологій виникають проблеми інформаційного забезпечення усіх сфер діяльності людини. В таких умовах все більшого значення набуває надійний захист інформації, а актуальність проблеми інформаційної безпеки зумовлена фундаментальною залежністю всіх сфер сучасного суспільства від світової інформаційної системи [1].

Однозначного розуміння поняття «міжнародної інформаційної безпеки» серед науковців немає. Так, під міжнародною безпекою пропонується розуміти стан захищеності від загроз життєво важливих інтересів людства, держав, міждержавних та регіональних об'єднань, за якого забезпечується можливість їх нормального та ефективного функціонування [2]. Вона формується на основі найголовніших безпек окремих країн і народів, регіональної безпеки груп держав і районів миру та інтегрується до рівня глобальної міжнародної безпеки, коли мова йде про захист і реалізацію загальнолюдських інтересів. Зміст поняття інформаційної безпеки розкривається в інформаційному законодавстві України. Закон України «Про Основні засади розвитку інформаційного суспільства в Україні на 2007-2015 роки» від 09.01.2007 № 537-V визначає інформаційну безпеку як стан захищеності життєво важливих інтересів людини, суспільства і держави, при якому запобігається нанесення шкоди через: неповноту, невчасність та невірогідність інформації, що використовується; негативний інформаційний вплив; негативні наслідки застосування інформаційних технологій; несанкціоноване розповсюдження, використання і порушення цілісності, конфіденційності та доступності інформації [3].

Таким чином, якщо здійснити синтез двох вище запропонованих визначень, розуміємо, що під міжнародною інформаційною безпекою слід розуміти стан захищеності інтересів суб'єктів міжнародних відносин від реальних і потенційних інформаційних загроз, а також виявлення, ідентифікація та ліквідація джерел цих загроз, за якого забезпечується можливість їх нормального та ефективного функціонування.

Сьогодні забезпечення інформаційної безпеки – це невід'ємна складова усіх видів взаємодії країн, що входять у світове співтовариство. Така співпраця має сприяти підвищенню інформаційної безпеки всіх членів світового співтовариства. Проте, окрім наявності глобальних проблем міжнародної інформаційної безпеки, які визначаються наперед за все зростанням міжнародної кіберзлочинності, комп'ютерного тероризму та інформаційними війнами, головною проблемою

у цій сфері є відсутність належного правового регулювання, як міжнародного, так і національного [1]. Наявність багатьох прогалин та колізій у положеннях нормативно-правових актів, що регулюють питання інформаційної безпеки, не дозволяє повноцінно забезпечити гарантування інформаційної безпеки світового співтовариства. Пріоритетними завданнями у цій сфері є опрацювання відповідних міжнародних правових норм, що забезпечують захист як національної, так і міжнародної безпеки щодо використання новітніх інформаційних технологій. Це породжує необхідність пошуку шляхів організації ефективної міжнародної взаємодії у сфері гарантування інформаційної безпеки.

Необхідність здійснення таких заходів світове товариство відчувало ще в 1998, за результатами 53-ої сесії ГА ООН було розроблено резолюцію «Досягнення у сфері інформатизації та телекомунікацій в контексті міжнародної безпеки» [4]. Відтоді питання інформаційної безпеки продовжують обговорюватись, проведено величезну кількість різноманітних конференцій, сесій та засідань світової спільноти. На 54-ій сесії ГА ООН, що відбулась у 1999 році, було прийнято оновлений проект резолюції 1998 року, який вперше вказав на загрози міжнародній інформаційній безпеці щодо не тільки цивільної, але і військової сфери. За результатами роботи сесії було опубліковано проект «Принципів, що стосуються міжнародної інформаційної безпеки», що є свого роду робочим варіантом кодексу поведінки держав в інформаційному просторі [4].

У 2004 році відповідно до резолюції ГА ООН 58/32 була створена Група урядових експертів ООН з питань міжнародної інформаційної безпеки, мандат якої передбачає проведення дослідження загроз у сфері інформаційної безпеки і можливих спільних заходів щодо їх усунення, а також вивчення міжнародних концепцій, які були б спрямовані на зміцнення безпеки глобальних інформаційних і телекомунікаційних систем. Результатом першого засідання Групи чого стали підсумкові документи – Декларація принципів і План дій, які охоплюють різні аспекти формування глобального інформаційного суспільства та базові напрями міждержавної взаємодії в цій сфері [1].

Проте вищезазначені норми мають декларативний характер та не застосовуються на практиці повною мірою. Існує нагальна потреба у розробленні основного кодифікованого нормативно-правового акту, з чіткими механізмами реалізації закріплених в ньому положень. Таким чином, відсутність узгодженої та системної правової бази не дозволяє повноцінно розвивати інформаційні відносини, ускладнює процес забезпечення належного рівня міжнародної інформаційної безпеки. Найголовніше у рішенні існуючих сьогодні проблем – це співпраця міжнародного співтовариства, якісна модифікації сфери правового регулювання міжнародної діяльності, запровадження до національного законодавства існуючих міжнародних стандартів у сфері захисту інформації.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Новіков М. М. Концепція міжнародної інформаційної безпеки в рішеннях міжнародних форумів / М. М. Новіков, О. О. Ончурова // Ученые Записки

- Таврического національного університета ім. В. І. Вернадського. Серія «Юридическі науки». 2010. – Т. 23, № 2. – С. 319 – 324.
2. Архипов О.Є, Архипова Є.О. Положення про інформаційну безпеку в міжнародних стандартах / О.Є. Архипов, Є.О. Архипова // Інформаційна безпека людини, суспільства, держави: науково-практ.журнал / Національна академія Служби безпеки України. – 2010. – №2(4). – С. 62–65
 3. Закон України «Про Основні засади розвитку інформаційного суспільства в Україні на 2007-2015 роки» № 537–V від 09.01.2007 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: – <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/537-16>
 4. Бойченко О.В. Міжнародна інформаційна безпека: проблеми і перспективи / О.В. Бойченко // Форум права. – 2009. – №3. – С. 74 – 79.
 5. Закон України «Про основи національної безпеки України» від 19.06.2003 № 964-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: – <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/964-15>
 6. Северінова А.О. Сутність і генеза поняття «Інформаційна безпека» / Северінова А.О. // VI Міжнародна науково-практична конференція «Захист демократичних цінностей і дотримання прав людини у діяльності спецслужб». – К. 2013. – С. 290 – 297.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Исследуемая нами проблема существует не только в России, но и в других федеративных государствах.

В научной литературе взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления (далее- органы МСУ) определяют как активную, согласованную деятельность, выражающаяся в принятии решений и совершение действий в соответствии с Конституцией РФ, законами и иными нормативно- правовыми актами, направленная на достижение единой цели, а именно решение вопросов местного значения и осуществление переданных органам местного самоуправления государственных полномочий [2, с.34].

Согласно Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Закон о МСУ) от 06.10.2003 N 131-ФЗ взаимодействие региональных органов государственной власти и органов МСУ осуществляется:

- 1) при преобразовании муниципальных образований (ст.13);
- 2) при долевом финансировании инвестиционных программ и проектов развития общественной инфраструктуры муниципальных образований, приоритетных социально значимых расходов бюджетов муниципальных образований (ст.62);
- 3) при временном осуществлении органами государственной власти отдельных полномочий органов МСУ (ст.75);
- 4) при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ст.19-21,48).

Однако, несмотря на определенность форм взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и органов МСУ, на сегодняшний день данный вопрос является одним из наиболее важных проблем новой формирующейся системы местного самоуправления.

В связи с вышесказанным, можно выделить следующие наиболее распространенные проблемы такого взаимодействия:

- 1) не соблюдается законный порядок передачи государственных полномочий региональными органами государственной власти РФ органам местного самоуправления, а именно передача полномочий осуществляется без надлежащего финансирования. В связи с чем, считается необходимым усиление надзора за законностью передачи органам МСУ отдельных государственных полномочий субъектов РФ;

- 2) не определены пределы делегирования государственных полномочий органам МСУ и порядок их возврата;

3) представляется неясным характер делегирования муниципальным органам власти государственных полномочий, так как ч.2 ст.6 Федерального закона № 131-ФЗ предусматривает, что принятие к своему рассмотрению муниципалитетами иных вопросов местного значения, установленных законами субъектов РФ является их правом, предполагающим добровольность такого принятия;

4) отсутствуют в каждом субъекте РФ законы, детально определяющих основы, формы взаимодействия региональных органов государственной власти субъекта РФ и органов МСУ, учитывающих специфику региона;

5) наблюдается тенденция подавления способности органов МСУ самостоятельно решать вопросы местного значения;

6) не определен правовой статус института удаления от должности. Так, в Федеральном законе № 131-ФЗ, в ст.74, предусмотрена возможность отрешения и удаления от должности главы муниципального образования по инициативе высшего должностного лица субъекта РФ. При чем такая инициатива оформляется в виде обращения, но такой формы решения указанных органов, как обращение, действующее законодательство не предусматривает [3, с.27];

Таким образом, представляется необходимым совершенствование правового регулирования взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и органов МСУ и обновление концептуальных начал такого взаимодействия, так как от его правильного осуществления зависит эффективность осуществления публичной власти в Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (с изм. и доп. от 25 ноября 2013 г. N 317-ФЗ)// Российская газета от 8 октября 2003 г. N 202
2. Картошов В.Г. Взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления//Конституционное и муниципальное право.2007. №19. С.34
3. Мокшина М.А.К вопросу о взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления// Конституционное и муниципальное право. 2009.№ 24.С.27.

Ишмухаметова Э.А.

Студент Стерлитамакского филиала Башкирского Государственного
Университета

Научный руководитель – старший преподаватель **Ишмухаметов А.Х.**

ПОНЯТИЕ «МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ»: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ключевые слова/Keywords: местное самоуправление/ local government, местная власть/ local authority, публичная власть/ public authority, общественная власть/ public authority.

Определение понятия «местное самоуправление» в международно-правовом аспекте имеет особую важность для правового регулирования института местного самоуправления в каждом из государств.

Международное право дает возможность государствам основываться на международных принципах, путем подписания соответствующих международных нормативно-правовых актов, где они гарантируют их реализацию в своем национальном праве.

Идеи местного самоуправления берут начало в средневековой европейской социальной философии, где был утвержден классический принцип субсидиарности, согласно которому вопросы, возможные разрешить на низовых уровнях управления, бессмысленно передавать в компетенцию высших уровней. Местным властям необходимо оказывать доверие максимально, передавать больше управленческих задач в их компетенцию, а ведение государственных властей требуется лишь в тех делах, где без их вмешательства не обойтись.

В положениях Всеобщей Декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН) 10 декабря в 1948 году, где в ч.1. ст.21, закреплено право принимать участие в управлении своей страной как непосредственно, так и посредством свободно избранных представителей.

Позже, 11 декабря 1969 года, Генеральная Ассамблея ООН, приняла резолюцией 2542 (24), Декларацию социального прогресса и развития.

Данные международные нормативно-правовые акты послужили основой для принятия двух важнейших, для института местного самоуправления, документов:

1. Европейская Хартия «О местном самоуправлении», разработана и принята по инициативе Постоянной конференции местных и региональных органов власти в Европе 15 октября 1985 г.

2. Всемирная Декларация местного самоуправления, была принята Конгрессом Международного Союза власти 26 сентября 1985 г.

Для анализа содержания понятия местного самоуправления необходимо рассмотреть подробно некоторые положения Европейской Хартии «О местного самоуправления». Данный нормативно-правовой акт является одним из основных источников муниципального права европейских государств. В основу Хартии

положен вышеупомянутый принцип субсидиарности, который сформулирован следующим образом: «Осуществление государственных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам» [4].

Как известно Совет Европы принял текст Хартии местного самоуправления на английском и французском языках. Соответственно первоисточниками Хартии являются аутентичные тексты на данных языках.

Тексты Европейской Хартии местного самоуправления на английском и французском языках основаны на терминах, которые используются в соответствующих языках на протяжении многих лет. Однако переводить термины, непосредственно относящиеся к местному самоуправлению в традиционных вариантах на русский язык, следует особо внимательно.

А.А. Замотаев с В.И. Чекалкиным в совместной работе «Некоторые вопросы обеспечения адекватности применения документов Совета Европы, касающихся осуществления публичной власти» считают, что специалисты в сфере перевода указывают на то, что термин “перевести” означает “выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка” [6].

В последние годы Россия характеризуется формированием новой политической системы. Этому следовало формирование новой политико-правовой терминологии. Некоторые термины изменили свое содержание по сравнению с советскими временами (парламент, депутат, федерация, автономия). Появились новые термины, активно используемые в законодательных актах и иных юридически значимых документах - публичная власть, субъект Российской Федерации, местное самоуправление, местное сообщество, муниципальное образование, региональная политика и т.п.

При анализе и работе с документами Совета Европы, непосредственно касающихся вопросов организации власти, для перевода устоявшихся французских и английских терминов приходится использовать русские термины, в отношении юридического и политического содержания которых в России еще нет общепринятого мнения, еще идут дискуссии. Содержание общественно-политических терминов в значительной мере определяется исторически сложившейся практикой организации власти. Существует значительное различие в истории Англии и Франции – с одной стороны и России – с другой, в частности, относительно краткие сроки периодов российского парламентаризма, приводит порой к проблемам с переводом на русский язык устоявшихся английских и французских словосочетаний, обозначающих то или иное понятие, касающееся организации публичной власти в демократическом государстве [6].

Каждый этап развития российского демократизма, сопровождался новым толкованием понятия «местное самоуправление». Реформа системы местного самоуправления в СССР, а затем и в России началась в 1990г., сразу же после первых выборов в местные органы власти и связана с принятием в апреле 1990г. Закона СССР “Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР”. Система советской власти отличалась от системы местного самоуправления и никак не соответствовала Европейской Хартии. Первые переводы в советское время никак нельзя отнести к наиболее верным, поскольку переводчики старались

учесть “советскую” специфику. Однако, и последующие, более поздние, переводы характерны неопределенностью. Приведем пример: п.1. ст.3 Хартии «О местном самоуправлении» выглядит так: “3.1. Local self-government denotes the right and ability of local authorities, within the limits of the law, to regulate and manage a substantial share of public affairs under their own responsibility and in the interests of local population” [4]. Наиболее распространенный в России перевод данного пункта является таковым: «Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения». Слово реальная в оригинале отсутствует, что означает добавление этого слова при переводе искажает смысл: кто и каким образом будет определять обладают ли органы местного самоуправления реальной способностью, по-видимому органы государственной власти, и если по их мнению способность не реальная, то, что из этого следует? В некоторых переводах вместо государственных пишут, как «общественных» или «публичных», что также изменяет смысл определения. Понятие «государственные дела» обозначает дела, ведение которых возлагается на само государство. Общественные дела- дела, которые ведут общественные организации. Публичные дела – дела, связанные с публичной властью.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28.08.95 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» закреплено определение понятия «местное самоуправление». В 1996 г. Россия была принята в члены Совета Европы. В связи с этим соответствие национальной нормативно-правовой базы местного самоуправления требованиям Европейской Хартии местного самоуправления является требованием.

Серьезные дискуссии о местном самоуправлении лишь частично объясняют актуальность темы, необходимость формирования эффективной системы местного самоуправления в России. Причиной разногласий является – достаточно слабая разработка теории местного самоуправления в целом, а также различные устоявшиеся традиции и организационные формы института местного самоуправления в различных государствах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие местного самоуправления в международно-правовом аспекте закреплено с одним пониманием, но в силу того, что в различных государствах – соответствующие языки, при переводе на которые изначальный смысл вложенный в положения международно-правовой акта искажается, понимание понятия местного самоуправления трактуется неопределенно. Тем не менее, Европейская Хартия местного самоуправления позволяет и дает возможности развитию института местного самоуправления, посредством различных концепций.

Литература:

1. Всемирная Декларация местного самоуправления;
2. Всеобщая Декларация прав человека;

3. Декларация социального прогресса и развития;
4. Европейская хартия местного самоуправления (ратифицирована Федеральным Законом «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ;
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 22.10.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
6. Замотаев А.А., Чекалкин В.И. «Некоторые вопросы обеспечения адекватности применения документов Совета Европы, касающихся осуществления публичной власти».

Рамазанова А.Р.

Студентка 4 курса Стерлитамакского филиала

Башкирского государственного университета

Руководитель – ст. преподаватель **Ишмухаметов А.Х.**

ДУАЛИЗМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ключевые слова/Keywords: местное самоуправление/local government, государственное управление/public administration, дуализм/duality.

Теории о местном самоуправлении (далее – МСУ) появляются в первой половине XIX века на основе исследований взаимосвязи личности и государства, местных и центральных органов власти в условиях демократического государства и самодержавия.

Исходя из взаимоотношений между органами МСУ и органами государственной власти, можно выделить две основные теории МСУ: государственную и общественную [2].

Общественная теория МСУ объединила теорию свободной общины, хозяйственную теорию, а также частично юридическую и была характерна для первой половины XIX в.. Данная теория заключалась в полном отделении друг от друга государственной власти и МСУ. Содержанием деятельности МСУ являются местные интересы, а государства - общенациональные интересы. Право на местное самоуправление является неотъемлемым правом населения соответствующих территорий. Сторонниками общественной теории были А.И. Васильчиков, В.Н. Дешков, Р. Моль, О. Ресслер, О. Гирке и другие ученые. Российские попытки реализовать на практике идеи данной теории натолкнулись на ряд неразрешимых проблем. Основная сложность состояла в невозможности четкого выделения местных дел и общегосударственных, реального разграничения частноправовых и публично-правовых функций в управлении обществом [1].

Государственная теория была разработана во второй половине XIX в. немецкими учеными Лоренцом Штейном и Рудольфом Гнейстом. Уже в 70-х гг. XIX в. наиболее детально основные ее положения были исследованы в России И.Д. Беляевым, В.П. Безобразовым, А.В. Васильчиковым, А.Д. Градовским, Н.И. Лазаревским и другими учеными. Сущность данной теории заключается в том, что органы МСУ являются органами государственного управления, их компетенция является не какой-либо особенной и самобытной, а полностью формируется и регулируется государством. Считалось, что МСУ – политическое понятие, согласно которому предметы его ведения входят в задачи государственного управления. Данная теория была воплощена в жизнь в России после проведения реформы земского и городского самоуправления в 1890 - 1892 гг. [3].

В современной науке муниципального права не существует однозначного подхода к вопросу о том, на основе какой теории строится МСУ в Российской Федерации. Также современные процессы общественного развития, которые связаны со всеобщей глобализацией, требуют адекватной реакции в целях

сохранения в достаточной степени индивидуальных особенностей местных сообществ, территориальных и национальных традиций [4]. Поскольку каждая из рассмотренных теорий возводит в абсолют только один из признаков МСУ и не отражает его конечную суть, то считается необходимым выделение двойственного подхода к сущности МСУ, а именно теории муниципального дуализма. Данная теория получила развитие в последнее десятилетие XX в., основным представителем которой являлся Б.Н.Чичерин. Именно дуализм нашел отражение в современном российском законодательстве. Так, в ст.12 Конституции РФ закреплено, что МСУ не учреждается государством, а признается и гарантируется им, т.е. рассматривается как естественное и неотчуждаемое право населения [2]. Однако, с другой стороны, создание муниципальных образований и определение вопросов местного значения, полномочий органов МСУ и т.д. носит производный от государства характер и регулируется государством. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 года №131-ФЗ (далее – ФЗ №131) говорится следующее: «МСУ в Российской Федерации - форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций» [5]. Дуалистическую организацию МСУ можно также выразить через основные принципы, которые определены в ФЗ №131: самостоятельность населения в решении вопросов местного значения; организационное обособление МСУ, его органов в системе управления государством и взаимодействие с органами государственной власти в решении общих задач; соответствие материальных и финансовых ресурсов МСУ его полномочиям; ответственность органов и должностных лиц МСУ перед населением; многообразие организационных форм осуществления МСУ; соблюдение прав и свобод человека и гражданина; законность в организации и деятельности МСУ; гласность деятельности МСУ; сочетание коллегиальности и единоначалия в деятельности МСУ; государственные гарантии МСУ [5].

Таким образом, современное российское муниципальное законодательство характеризуется наличием общегосударственного и местного интересов и их сочетанием, невозможностью во многих случаях разделения собственно местных и общегосударственных дел, реализацией органами МСУ функций публичного и частноправового характера, выполнении органами МСУ полномочий, делегированных государством, наличием государственного характера у предметов ведения и полномочий МСУ.

Литература:

1. Исаева М. К вопросу о природе муниципальной власти // Право и жизнь. 2006. №9.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская

газета, №7, 21.01.2009.

3. Мирошниченко Е.В. Местное самоуправление в России. Теория и практика // Государство и право. - М., 2003.
4. Помещикова С.А. Об общих принципах организации местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2009. № 3.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета, №202, 08.10.2003.

Чиликина Л.А.

Студент Стерлитамакского филиала
Башкирского Государственного Университета
Научный руководитель – ст. преподаватель **Ишмухаметов А.Х.**

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Ключевые слова / Keywords: самоуправление / self-government; власть / authorities; полномочия / authority; принцип / principle.

Принцип разделения властей закрепляется в статье 10 Конституции Российской Федерации. Данная статья устанавливает, что ни один государственный орган не вправе выходить за пределы полномочий, установленных для него Конституцией Российской Федерации и другими законами[1].

Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти[2]. Деятельность местных органов является подконтрольной государству только в случае наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Таким образом, органы местного самоуправления наделяются государственными полномочиями и выступают в роли государственного органа. В этом случае принцип разделения властей может распространяться на органы местного самоуправления.

Анализируя зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений, возникающих на уровне местного самоуправления, можно прийти к обоснованным выводам о том, что «чем ниже уровень власти, тем менее контрастно и разделение власти и, напротив, оно нарастает в движении по вертикали, достигает классической своей модели в системе высших органов государства»[4].

Согласно статье 34 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 22.10.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Далее – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»), структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Наличие в структуре органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»[2]. В вышеуказанной статье подразумевается принцип разделения властей на местном уровне.

Основой демократического государства являются выборные органы власти, которые представляют интересы народа. Исходя из этого, наличие представительных органов власти является обязательным на всех уровнях власти. Органы, осуществляющие исполнительные функции (полномочия), являются

исполнительными органами. Таким образом, фактическое наличие на каком-либо уровне власти исполнительных функций влечет необходимость организации на данном уровне исполнительных органов власти[3].

При использовании в муниципальном образовании принципа разделения властей некоторые авторы неточно определяют последствия его применения: «Возможно разделение функций председателя представительного органа и руководителя исполнительного органа местного самоуправления. Однако из разделения указанных должностей не следует, что руководитель исполнительного органа местного самоуправления является высшим должностным лицом местного самоуправления»[3].

Говоря о судебных органах, следует отметить, что в Российской Федерации существует единая судебная система, представляющая собой совокупность федеральных судов Российской Федерации и судов субъектов Российской Федерации. На местном уровне действует институт мировых судей, который относится к судам субъектов Российской Федерации.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что на местном уровне действуют представительные и исполнительные органы местного самоуправления, а институт мировых судей относится к другой системе власти, системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, принцип разделения властей на местном уровне является неполным, усеченным.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ // «Российская газета», N 7, 21.01.2009
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 22.10.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
3. Берг О. В. О применимости принципа разделения властей в местном самоуправлении // Журнал «Право и политика». 2001. № 1.
4. Кряжков В.А. Местное самоуправление: Правовое регулирование и структуры // Государство и право. - М., 2005.

ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК АССОЦИАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Психологи анализируют мышление в контексте ассоциативной психологии (ассоцианизма), одного из направлений этой науки, где ассоциация выступает основным объяснительным принципом психических механизмов управления поведением человека на основе воспроизведения полученного опыта – связи между воспринятым и воспроизведенным в психике (ощущениями, представлениями и т.д.) [1, 32-33]. Ассоциацию считают единицей психики как связь между двумя или более психическими образованиями: один знак вызывает в воображении социального субъекта образ другого.

Если говорить об ассоциациях, доминирующих в правовом мышлении, то между типологическими группами ассоциаций (по сходству или контрасту, смежности в пространстве или времени и т.д.) уместно выделить причинно-следственные, воспроизведенные в общепринятой «формуле» построения правовой нормы по схеме «если ... – то ..., иначе ... ». Такая позиция близка к бихевиоризму (направление психологии, изучающее поведение по принципу «стимул – реакция»): в этом контексте мышление понимается как субстанция, подчиненная законам ассоциаций, ведь в результате проб и ошибок достигается благоприятный исход (подкрепляемая попытка), который связан с поведением, которое привело к этому [1, 220].

Гештальт-психологи в основу понимания мышления заложили понятие «инсайта» как внезапного интеллектуального озарения, что свидетельствует об образовании в зрительном поле нового гештальта (новой формы или структуры), который соответствует проблемной ситуации [1, 87].

Для данного исследования наиболее близким все-таки является подход когнитивной психологии, в рамках которой мышление понимается как процесс переработки (обработки и преобразования) информации, единицей которого выступает операция со знаками [2, 162]. Ведь механизмом мышления социального субъекта является использование знаков и символов, прежде всего вербальных (понятия, термины, содержащие значения), созданных в общественно-историческом опыте человечества. При этом именно язык служит средством абстрагирования, обобщения существенных признаков вещей и явлений правовой действительности, средством передачи знаний от правотворца гражданам (горизонтальный уровень) и между поколениями (вертикальный уровень), благодаря чему общественно-исторический опыт всего человечества становится доступным отдельному индивиду.

Всего теоретический и экспериментальный материал, наработанный в психологии мышления, дает основания утверждать, что сущность правового мышления – это способность познавать внутренние закономерности вещей и явлений правовой действительности, скрытые от непосредственного наблюдения. На основании установления связи между явлениями, которые воспроизведены в чувственном опыте, и обобщения результатов этого процесса происходит отражение общих свойств этих явлений, благодаря чему происходит познание объективных законов правовой действительности.

Носителями (или субъектами) правового мышления являются индивиды (социальные субъекты) в отличие от правового сознания, когда субъектами могут

выступать и социальные сообщества (коллективное правосознание), а также все общество (общественное правосознание). Конечной целью правового мышления в основном выступает практическое воплощение. Именно поэтому юридические науки становятся не только теоретической основой, но и движущей силой, которая способствует эволюции новейших государства и права, обогащаясь и углубляясь знаниями о них. Индивидуальность правового мышления подтверждается и самой сущностью человека как мыслящего существа, связанная со способностью мышления отделять должное (правовое поле) от сущего (правовой реальности).

Как правило, индивид прибегает к мышлению, ставя перед собой определенную цель, которой можно достичь путем осмысления объективной действительности. Анализ объекта мышления является обязательным для понимания того, как протекает и чем определяется процесс мышления. Процесс анализа является взаимодействием субъекта, с возможностями его мышления, и объекта. При этом, изменяясь, объект вызывает новый процесс мышления, опять же изменяет объект, т.е. результат одного акта мышления включается в дальнейший его процесс, познание объекта, соответственно, растет. И так продолжается до тех пор, пока индивид не получит желаемый результат. В общем, процесс мышления является актом конкретизации – перехода от общего и крайне нечеткого представления о будущем результате к его конкретному образу. Поиск неизвестного в пределах акта конкретизации осуществляется как непрерывный процесс прогнозирования – создание образа ожидаемого результата. Этот процесс осуществляется путем мыслительных действий и операций. Правовое мышление протекает как ассоциативный процесс (возникновение ассоциаций), зависит от конкретной ситуации. Единицей правового мышления выступает правовой знак – определенный эмпирический материальный носитель информации, который субъекты правоотношений воспринимают на чувственном уровне в процессе правовой коммуникации как воспроизведение, олицетворение какого-то объекта (предмета, действия, события, явления и т. д.) и его признаков и свойств, которые проявляются во взаимодействии и соотношении с другими такими же объектами.

1. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 512 с.
2. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс; Энциклопедия, 1994. – 576с.

Ямщикова С. Л.

старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права
Стерлитамакского Филиала БашГУ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Аннотация: В статье рассматривается такая форма реализации права как применение права, обладающая рядом особенностей наряду с другими формами реализации права.

Ключевые слова / Keywords: формы реализации права / form of the right, применение права / application of the law.

Теоретические проблемы реализации права имеют особую практическую значимость. Правореализующая деятельность, а именно правоприменение, интересна в самых разных аспектах. Это следует из того, что путь от создания закона до воплощения его предписаний в фактическое поведение людей весьма сложен, зависит от множества факторов. Реализация потенциала права как активного регулятора зависит в значительной степени от состояния правосознания в обществе, от уровня экономики, от степени участия государства в решении насущных социальных задач, от характера стратификации общества [1.С.29].

Реализация права состоит в практическом осуществлении нормативных предписаний - запретов, дозволений, обязываний. Через реализацию правовых норм достигаются результаты правового регулирования и цели, обозначенные в процессе правотворчества. Можно сказать, что *реализация права* - это применение норм права на практике путем правомерного поведения субъектов права. [2.С.152].

Ученые выделяют следующие формы реализации норм права:

1. соблюдение - это реализация запрещающих норм права, заключающаяся в пассивном поведении, отказе от действий, определяемых правом как правонарушения;

2. исполнение - это реализация обязывающих норм права, заключающаяся в активном поведении по осуществлению возложенных на лицо юридических обязанностей;

3. использование - это реализация дозволяющих норм права, заключающаяся в осуществлении предоставленных лицу субъективных прав.

4. применение права является разновидностью реализации права, отличающейся использованием государственно-властных полномочий, это властная деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих реализацию права в конкретных условиях.

В такой форме, как применение права, властное вмешательство государства в лице органов и должностных лиц необходимо. Так считает ряд юристов, определяя эту форму наряду с соблюдением, использованием и исполнением, указывая на некоторые особенности. Такой точки зрения придерживаются В. Н. Хропанюк [7], В. В. Дяконов [2], Б. Н. Емельянов, Б. А. Правкин [3] и другие. Этому мнения придерживается В. Д. Перевалов, указывая, что «применение права является особой формой реализации права, поскольку индивидуальное властное решение по делу лишь направлено на реализацию применяемой нормы права, но еще не реализует ее. Реализация наступает в результате исполнения правоприменительного решения» [5].

С.184]. Б. Н. Емельянов и Б. А. Правкин отмечают, что особой формой реализации права является применение, связанное с властной деятельностью специальных субъектов (государственных органов, должностных лиц). Применение права происходит в том случае, если юридическая норма не реализуется, т. е. созданы или сложились определенные препятствия для реализации права. В таком случае требуется вмешательство государственных органов. Применение санкции является только прерогативой государства. [3]

Интересна точка зрения другой группы ученых, которые выделяют реализацию права как особый тип осуществления права. Например, Т. В. Кашанина обозначает, что «правоприменение – это не одна из форм реализации права, а особый тип осуществления права, который в свою очередь имеет свои формы. ... Оно имеет серьёзные отличия и не является однородным правовым явлением с ранее названными, а потому не может быть одним понятием формы реализации права». [9. С.396] Данную позицию занимают В. Н. Карташов [4], В. М. Сырых [6], В. И. Червонюк [8].

Это следует из того, что правоприменение обладает рядом характерных особенностей, отличается от соблюдения, исполнения и использования, следовательно, не все определяют правоприменение как форму права.

1. Правоприменение осуществляется компетентными органами государства.

2. Обладает властным обязательным характером, активная и определяющая роль принадлежит субъекту, обладающему в данном конкретном отношении властными полномочиями.

3. Правоприменительная деятельность должна осуществляться субъектом, имеющим профессиональную подготовку, высокую квалификацию.

4. Применение права влечёт вынесение индивидуального правового акта, называемого правоприменительным. Он исходит от субъекта правоприменения, т. е. наделенного государством соответствующей компетенцией активного участника правоприменительных отношений, непосредственная задача которого, разрешить конкретную жизненную ситуацию при помощи акта применения.

5. Применение права – это длящийся во времени процесс, который состоит из ряда последовательных стадий, сменяющих друг друга.

6. Правоприменительная деятельность не осуществляется отдельно, изолированно, сама по себе. В процесс правоприменения сочетается с иными формами реализации: исполнением, соблюдением, использованием.

Данные особенности определяют правоприменение как необходимый институт для государства и общества. Тем не менее, государство, полагая, что без правоприменения невозможно обойтись, не должно забывать о его объёме и не наделять субъектов правоприменения излишними полномочиями, и, наоборот, предоставление недостаточного объёма прав правоприменителю может повлечь негативные последствия в государстве.

Рассмотрев особенности применения права, можно сказать, что это особый институт, имеющий свои характеристики. Он отличается от соблюдения, исполнения и использования. Представляет собой особый тип осуществления права и имеет свои формы.

Список литературы.

1. Арбузов А. В. Правовой нигилизм как патология общественного развития в мировой истории // Социально-правовые гарантии прав и законных интересов

- граждан в Российской Федерации. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006.
2. Диаконов В. В. Учебное пособие по теории государства и права. – М., 2004.
 3. Емельянов Б. Н. , Правкин Б. А. Теория государства и права. / URL: www.e-college.ru
 4. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Т. 1. – Ярославль, 2010.
 5. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрайт, 2011.
 6. Сырых В. М. Теория государства и права. – М, 2012. Теория государства и права / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2004. С. 239.
 7. Хропанюк В. И. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. – М., 2008.
 8. Теория государства и права: Учебник / В. И. Червонюк. М., 2010.
 9. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007.

Блавацька О.М.

здобувач кафедри теорії та історії держави та права
Львівського державного університету внутрішніх справ

ПОНЯТТЯ «ЗЛОЧИН» В ІНТЕРПРЕТАЦІЯХ АНТИЧНИХ ФІЛОСОФІВ

В статті коротко розкрито трактування поняття «злочин» найхарактернішими представниками античної філософії Давньої Греції та Риму.

Ключові слова: злочин, порушення закону, покарання.

Keywords: crime, breaking the law, penalties.

На тлі активізації інтеграційних процесів актуалізується дослідження злочину як такого, що є результатом узагальнення певного досвіду історичного пізнання та суспільної практики. У сучасних умовах, коли виникає загроза антропологічної кризи, особливо актуальним стає звернення до загальноєвропейських визначальних цінностей. У зв'язку з цим важливого значення набуває концептуалізація знань щодо еволюції поняття «злочину» в інтерпретації античних філософів.

Одним із перших в античній філософії звернувся до злочину Геракліт. Він написав: «Сонце не перейде своєї міри, інакше його б спостигли Ерінії, помічниці правди» [1, с. 50]. Під злочином Геракліт має на увазі порушення закону, закладеного природою. Софокл вважав злочин переступом Божого права, вчинком, небезпечним для спільноти людей [2, с. 31–33]. Есхіл зазначав, що злочин є переступом права, актом волевиявлення особи [3, с. 76].

Філософ Сократ вважав, що «злочин» – це порушення природних та писаних законів [4, с. 241]. Водночас він розглядав злочин як дію, що є небезпечною для держави. Зокрема він стверджував, що нанесення шкоди громадянину як елементу державного організму, стає на перешкоді нормальному функціонуванню держави. На думку Платона, злочин – це порушення громадських й природних законів, вчинок, небезпечний для держави через небезпечність для громадянина, який є органом, одиницею чи носієм властивостей держави [5, с. 202].

Аристотель вважав, що злочин є вчинком, небезпечним для держави, протизаконним і несправедливим діянням, яке є порушенням природного та узаконеного права [6, с. 133–147]. Аристотель був переконаний, що злочин є порушенням законів, заснованих на угоді і взаємній вигоді (вчинок, небезпечний для держави як об'єднання вільних громадян, що самодостатнє для звичайного існування); порушення «державного права» – частково природного, частково узаконеного; порушення природного права, яке повсюдно має однакову силу і не залежить від визнання чи невизнання його людьми. На його думку, злочин небезпечний для держави через небезпечність для громадянина як одного з органів сукупного організму держави. Він стверджував, що злочин, якщо не являє собою підневільний вчинок, – є результатом вільного вибору людини [6, с. 295].

Цицерон також вказував, що злочин є насиллям, результатом особистого

рішення людини. Філософ вважав злочин актом, скерованим проти держави, порушенням заборони, закладеної в державному законодавстві. На думку Цицерона, злочин є порушенням закону, небезпечним для держави – зібрання багатьох людей, пов'язаних між собою згодою в питаннях права та спільністю інтересів, через небезпечність для громадянина, пов'язаного з іншими спільністю інтересів [7, с. 113].

Російський вчений В.А. Бачинін зазначав: «Осьовий час світової цивілізації, що тривав, згідно К. Ясперсу, з VIII до II ст. до н. е. виявив, подібно до усілякої перехідної епохи, гострі грані невідповідності між масивом традиційних, патріархальних норм, цінностей, поведінкових стереотипів і вимогами новостворених соціальних інститутів. Між цими сферами, що потребували взаємної адаптації, як між двома жорнами, виявились долі багатьох людей, чий дія як з їхньої волі, так і всупереч їй стали злочинами проти якоїсь однієї зі сторін. На основі двох протилежно скерованих, але нерозривно пов'язаних процесів – широкого поширення трансгресивних моделей суспільно небезпечної поведінки й розвитку новоутворених правових систем – виникає первісна, «осьова» морально-правова реальність. Вона виступає як система нормативно-регулятивних обмежень, усередині яких зобов'язана жити й діяти цивілізована людина і яким вона повинна підкоряти свої трансгресивні схильності» [8, с. 630].

Отже, у класичній філософсько-правовій доктрині злочин трактується як діяння, небезпечне для держави як спільноти громадян, а також як вчинок, що являє собою переступ закону, за яке передбачене покарання. Опіраючись на праці найхарактерніших представників, що акумулювали увесь філософсько-культурний здобуток античного періоду спостерігаємо ясну вказівку на неспинну еволюцію поняття «злочину» – не тільки, як діяння, засуджуваного богами та людьми, але й надалі – насамперед як такого, що становить загрозу для держави загалом та суспільних відносин безпосередньо.

1. Фрагменты Гераклита // Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / под ред. М. А. Дынника; пер. с древнегреч. М. А. Дынника. – М.: Госполитиздат, 1955. – 239 с.
2. Софокл. Царь Эдип // Трагедии. – М.: Худож. лит, 1988. – 439 с.
3. Эсхил. Орестея // Эсхил. Трагедии. – М.: Наука, 1989. – 609 с.
4. Платон. Горгий / Платон; пер. с древнегреч. С. Маркиш // Платон: сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – 624 с.
5. Платон. Государство / Платон; пер. с дрвнегреч. А.Н. Егунов // Платон: сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – 687 с.
6. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель; пер. Н.В. Брагинская // Этика. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 492 с.
7. Цицерон. Про державу // Марк Тулій Цицерон. Про державу. Про закони. Про природу богів / [пер. з лат. В. Литвинова]. – К.: Основи, 1998. – 476 с.
8. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права: юридич. словари. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 1081 с.

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ТЛУМАЧЕННЯ У РАДЯНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ

Ключові слова / Key words: нормативне тлумачення / normative interpretation, постанови / ordinances, історіографія / historiography.

Проблема нормативного тлумачення має важливе теоретичне і практичне значення, оскільки тісно пов'язана з багатьма видами юридичної діяльності: правотворчістю, правозастосуванням тощо. Тому дане питання завжди привертало увагу науковців. Зокрема, дослідженням даної проблеми у радянській правовій науці займалися такі вчені як: М.М. Вопленко, П.С. Елькінд, А.С. Піголкін, О.Ф. Черданцев, О.С. Шляпочніков та ін.

Однією із перших монографій, присвячених тлумаченню нормативних актів у СРСР, була праця А.С. Піголкіна, у якій автор наголошує, що нормативне тлумачення є необхідною передумовою для правильного застосування норм права у практиці комуністичного будівництва [1, с. 4]. Як зазначав автор, нормативне тлумачення служить для уточнення змісту нормативно-правових актів, усунення текстових ускладнень та помилок. Об'єктом нормативного тлумачення є не всі акти, а лише ті, що, на думку відповідного компетентного державного органу, потребують додаткового роз'яснення. Суб'єктами нормативного тлумачення у радянські часи були: Президія Верховної Ради СРСР, Президії Верховних Рад союзних республік, Пленум Верховного Суду СРСР та ін. У праці автор аналізує зміст та правову природу окремих актів нормативного тлумачення, зокрема: постанов Президії Верховної Ради СРСР, постанов Президії Верховного Суду СРСР тощо. Крім того, учений звертає увагу на нечисленність актів нормативного тлумачення. У висновку А.С. Піголкін дає ряд пропозицій для удосконалення законодавчої техніки, що є важливою передумовою для правильного тлумачення та застосування нормативних актів.

Ще однією теоретичною працею, у якій розглядається природа нормативного тлумачення радянського соціалістичного права, була монографія М.М. Вопленка «Офіційне тлумачення норм права» (1976). У якій автор досліджує питання юридичної природи актів нормативного тлумачення, як різновиду правових актів Радянської держави, а саме: актів тлумачення органів державної влади, державного управління, суду, прокуратури. Нормативність актів тлумачення автор розглядав у двох аспектах: нормативність роз'яснень, що видаються органами уповноваженими на правотворчу діяльність та нормативність роз'яснень, органів, що не мають права встановлювати норми права [2, с. 35-36]. Особливу увагу М.М. Вопленко приділив питанню щодо форми актів нормативного тлумачення та визначення їх місця в системі правових актів.

Перспективність наукового пошуку проблеми нормативного тлумачення соціалістичного права вбачав О.Ф. Черданцев. У монографії «Тлумачення радянського права» (1979) особливе місце займає питання про обов'язковість та правову природу

актів судового нормативного тлумачення. Варто зазначити, що ця праця викликала значний резонанс серед науковців. У періодичних виданнях були надруковані рецензії на дану монографію Г.О. Борисова, В.М. Горшенєва, С.М. Брагуса та ін. Зокрема, позитивно оцінюючи працю в цілому, Г.О. Борисов та В.М. Горшенєв звертають увагу на положення, які недостатньо аргументовані та дискусійні. На їх думку, неправильно відносити до суб'єктів делегованого тлумачення Президію Верховної Ради СРСР, оскільки тлумачення законів входить до її загальної компетенції, як вищого органу державної влади. У даному випадку слід вживати усталене в науці поняття «автентичне тлумачення» [3, с. 111]. Отже, дискусійність питань щодо видів нормативного тлумачення, свідчить про початок їхньої теоретичної розробки та інтерес дослідників до цієї проблематики.

Так, О.С. Шляпочніков у праці «Тлумачення кримінального закону» аналізуючи нормативне тлумачення, критично ставився до поглядів авторів, які відносили автентичне тлумачення до легального, оскільки вважав, що роз'яснення органом акта, який його видав – не є тлумаченням [4, с. 142].

На відміну від О.С. Шляпочнікова, П.С. Елькінд у праці «Тлумачення і застосування норм кримінально-процесуального права» визнавав, що автентичне тлумачення є різновидом легального тлумачення. Проте, наголошував, що його метою є уточнення сформульованого у нормативному акті правила поведінки, а не створення нових норм права [5, с. 73].

Отже, аналізуючи праці радянських учених, слід зазначити, що проблема нормативного тлумачення комплексному дослідженню не піддавалася, а розглядалася лише у зв'язку з іншими видами тлумачення. У працях чітко виділялася позиція, що нормативне тлумачення повинно сприяти зміцненню соціалістичної законності. Дискусійними залишались питання щодо сутності та співвідношення видів нормативного тлумачення: легального та автентичного.

Література

1. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / Пиголкин А.С. – М., 1962. – 166 с.
2. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М.: Юридическая литература, 1976. – 119 с.
3. Борисов Г.А. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 166 с. / Г.А. Борисов, В.М. Горшенев // Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 110-111.
4. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона / Шляпочников А.С. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.
5. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / Элькин П.С. – М.: Юрид. лит., 1967. – 192 с.

**ДЕЯКІ ОРГАНІЗАЦІЙНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ПРОВЕДЕННЯ СУДОВОЇ
ЕКСПЕРТИЗИ ПРИ РОЗСЛІДУВАННІ КРИМІНАЛЬНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ,
ПОВ'ЯЗАНИХ ІЗ ПРОВЕДЕННЯМ БУДІВЕЛЬНИХ РОБІТ ЗА ДЕРЖАВНІ
КОШТИ**

Ключові слова / key words: державна закупівля / public procurement, злочин / crime, експертиза / expertise.

Сфера виконання будівельних підприємств вважається однією з найбільш підданих корупції сфер у світі, а у випадку якщо замовником такого підприємства є державне підприємство або бюджетна організація (далі державна установа), ризик виникнення корупційних зв'язків зростає в рази.

В Україні до проблем протидії злочинам, пов'язаним з проведенням державних закупівель, у своїх дисертаційних дослідженнях зверталися В.В. Коряк (2012 р.), В.В. Дараган (2012 р.), В.Р. Сливенко (2013 р.), С.В. Нагачевський (2013 р.).

Деякі аспекти проблем протидії правопорушенням у сфері державних закупівель розглядали А.В. Баб'як, С.Н. Баліна, І.Л. Близнюк, В.І. Василичук, Т.В. Дученко, В.М. Ємельянов, В.В. Єфімов, В.Є. Лук'янчикова, Ю.І. Пивовар, М.Г. Риков, О.Б. Сахарова, Л.П. Скалозуб, Д.В. Скірта, В.П. Сокірко, Д.А. Степанюк, О.С. Хмара та ін.

Як показує практика, найпоширенішими корупційними зв'язками (схемами) у такому випадку є наступні: посадова особа підприємця – керівник державної установи; посадова особа підприємця – посадова особа державної установи уповноважена здійснювати приймання виконаних робіт; посадова особа підприємця – керівник державної установи – посадова особа державної установи уповноваженої здійснювати приймання виконаних робіт; посадова особа підприємця – член(и) комітету конкурсних торгів; посадова особа підприємця – посадова особа державної установи уповноважена проводити маркетингове дослідження ринку з метою вибору підприємця; посадова особа підприємця – керівник державної установи – посадова особа державної установи уповноважена проводити маркетингове дослідження ринку з метою вибору підприємця.

Однак, у випадку участі співробітників правоохоронних органів у процесі перевірки обсягів виконаних робіт, можлива поява й інших видів корупційних зв'язків. У першу чергу це обумовлене тим, що для перевірки обсягів виконаних будівельних робіт необхідне залучення фахівця. Як правило, така перевірка здійснюється в рамках справи кримінального провадження при призначенні судової будівельно-технічної експертизи, для проведення якої залучаються відповідні фахівці науково-дослідних інститутів судових експертиз України.

Саме на стадії проведення судової експертизи виникає ризик виникнення корупційних зв'язків між співробітниками експертної організації й співробітниками

підрядника або замовника.

Виходячи з положень наказу Міністерства юстиції України №53/5 від 08.10.1998 «Про затвердження Інструкції про призначення та проведення судових експертиз та Науково-методичних рекомендацій з питань підготовки та призначення судових експертиз та експертних досліджень», підставою для проведення експертизи є передбачений законом процесуальний документ, а саме постанова слідчого про призначення судової будівельно-технічної експертизи. У зазначеній постанові, в обов'язковому порядку, вказується перелік питань, які необхідно вирішити експертові при проведенні експертизи, крім цього в експертну організацію відправляється справа кримінального провадження, матеріали якої повинні містити: проектно-кошторисну документацію, довідку про витрачені ресурси і їх вартість, документи, що вказують на які-небудь інші витрати, акт приймання-передачі виконаних робіт, а також інші документи необхідні експертові для проведення експертизи (залежно від питань, які необхідно вирішити).

Експертизи й дослідження проводяться експертними установами, як правило, по зонах регіонального обслуговування. Зокрема зони регіонального обслуговування розподілені наступним чином: Дніпропетровський науково-дослідний інститут судових експертиз (Дніпропетровська і Запорізька області); Донецький науково-дослідний інститут судових експертиз (Донецька і Луганська області); Київський науково-дослідний інститут судових експертиз (м. Київ, Вінницька, Житомирська, Київська, Тернопільська, Хмельницька, Черкаська і Чернігівська області); Кримський науково-дослідний інститут судових експертиз (Автономна Республіка Крим); Львівський науково-дослідний інститут судових експертиз (Волинська, Закарпатська, Івано-Франківська, Львівська, Рівненська і Чернівецька області); Одеський науково-дослідний інститут судових експертиз (Кіровоградська, Миколаївська, Одеська і Херсонська області) Харківський науково-дослідний інститут судових експертиз імені заслуженого професора М.С. Бокаріуса (Полтавська, Сумська, Харківська області та м. Севастополь); Науково-дослідний центр судової експертизи з питань інтелектуальної власності (Зона обслуговування поширюється на всі регіони).

При наявності обставин, які визначають неможливість або недоцільність проведення експертизи в установі регіональної зони обслуговування, особа або орган, які призначають експертизу, указавши на відповідні мотиви, можуть доручити її виконання експертам іншої установи.

На практиці, при застосування зазначеної норми виникає маса проблем, які в першу чергу пов'язані з мотивацією ухваленого рішення про проведення експертизи в експертній організації поза зоною регіонального обслуговування. Це обумовлене тим, що працівники МВС мають право здійснювати негласну діяльність, у результаті якої вони можуть одержати інформацію про те, що співробітники експертної організації вступили в корупційні відносини зі співробітниками підрядника або замовника. Безумовно, така інформація буде підставою для проведення комплексу оперативно-розшукових заходів, а також негласних слідчих (розшукових) дій спрямованих на документування таких злочинних дій. Однак для їхнього проведення необхідний значний проміжок часу, який не завжди мають співробітники органів внутрішніх справ, тому що злочинці всіляко намагаються знищити сліди їх злочинної діяльності або звести їх до мінімуму. А без доведеного факту таких зв'язків не буде й мотивації

проведення такої експертизи в експертній організації поза зоною регіонального обслуговування.

Як показала практика, ознаками таких корупційних зв'язків можуть бути: затягування проведення будівельної експертизи; необґрунтовані вимоги на забезпечення умов проведення експертизи; надання висновку про неможливість проведення експертизи й ін.

Для розв'язання зазначеної проблеми нами пропонується налагоджувати стосунки з керівниками експертних організацій сусідніх зон регіонального обслуговування. На практиці зустрічалися випадки такої взаємодії, які приводили до позитивних результатів. Як показує практика, для налагодження такої взаємодії, слідчому необхідно до направлення постанови про проведення експертизи до відповідної експертної установи, зв'язатися з її керівником і попередити про прийняте рішення з зазначенням причин направлення постанови в дану експертну установу (без розголошення інформації з обмеженим доступом, а також форм і методів її отримання). Як правило такого попередження достатньо для того щоб керівник експертної установи не направив постанову про проведення експертизи до експертної установи відповідної зони обслуговування.

Таким чином, можна зробити висновок, що проведення судової експертизи має одне з основних значень для успішного розслідування справ кримінального провадження по злочинах, пов'язаних з проведенням будівельних робіт, однак нормативно-правові акти, що регулюють питання в зазначеній сфері вирішують далеко не всі питання, що виникають на практиці, одним із напрямків вирішення таких питань є налагодження взаємодії між керівництвом ОВС та керівництвом експертної організації.

Асфандияров А.Р.

студент 3 курса юридического факультета Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет»
(Научный руководитель – к.ю.н. **Бойко Н.Н.**)

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова / Keywords: ответственность / responsibility, бюджетная ответственность / fiscal responsibility, бюджетная санкция / fiscal sanction, принуждение / coercion, бюджетное законодательство / budget legislation.

Ответственность – неотъемлемый элемент правоотношений. Различают общую юридическую ответственность, то есть способность для субъекта права отвечать за неправомерное поведение и претерпевать неблагоприятные последствия и ответственность отраслевую (уголовную, административную, гражданско-правовую и т.д.). Каждая отрасль права обладает особенными основаниями и механизмами привлечения к ответственности: в уголовном праве это – совершение преступления, в административном – правонарушения, в гражданском – совершение гражданско-правового деликта, в трудовом – совершение дисциплинарного проступка. В бюджетном праве тоже применяются собственные методы принуждения по отношению к нарушителям, которые в науке называют бюджетными санкциями [1].

К сожалению, Бюджетный кодекс РФ не содержит понятия бюджетная санкция или бюджетное правонарушение, но используется понятие «нарушение бюджетного законодательства», под которым понимается неисполнение либо ненадлежащее исполнение порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля за исполнением бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации (ст. 281), которое влечет применение к нарушителю мер государственного принуждения.

Ответственность за нарушения бюджетного законодательства (бюджетная ответственность) является разновидностью финансовой ответственности, следовательно, обладает всеми важнейшими признаками последней, исходя из этого бюджетно-правовая ответственность – это институт бюджетного права, представляющий собой совокупность охранительных бюджетно-правовых норм, определяющих: бюджетные правонарушения; меры ответственности за их совершение.

Согласно статье 282 Бюджетного кодекса РФ к нарушителям бюджетного законодательства могут быть применены следующие меры: предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса; блокировка расходов; изъятие бюджетных средств; приостановление операций по счетам в кредитных организациях; наложение штрафа; начисление пени; иные меры в соответствии с настоящим Кодексом и федеральными законами.

Основаниями применения мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации относятся: неисполнение закона (решения) о бюджете; нецелевое использование бюджетных средств; неперечисление бюджетных

средств получателям бюджетных средств; неполное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств; несвоевременное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств; несвоевременное зачисление бюджетных средств на счета получателей бюджетных средств; несвоевременное представление отчетов и других сведений, связанных с исполнением бюджета (ст. 283 БК РФ).

Статьи 289-306 Бюджетного кодекса РФ содержат конкретные составы нарушений в бюджетной сфере, приведенных в статье 283, а также прописывают ответственность для нарушителей. При определении видов наказания за эти нарушения идет отсылка к уголовному или административному законодательству. Следовательно, соответствующие виды правовой ответственности предусматриваются не бюджетным законодательством, а УК РФ и КоАП РФ, которые в бюджетное законодательство не входят, что следует из смысла статьи 2 Бюджетного кодекса РФ [2]. Сущность всех указанных видов ответственности за нарушения бюджетного законодательства выражается в обязанности лица, нарушившего бюджетное законодательство, дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным бюджетным, административным и уголовным законодательством.

Так, например, за нецелевое использование бюджетных средств предусмотрены следующие виды ответственности: а) меры принуждения, определенные ст. 282 БК РФ; б) административная ответственность, предусмотренная ст. 15.14 КоАП РФ; в) уголовная ответственность, предусмотренная ст. 285.1 УК РФ.

В заключении хотелось бы отметить, что законодателю необходимо обозначить границы данного вида юридической ответственности, что позволит однозначно разграничить бюджетно-правовые санкции от иных мер бюджетно-правового принуждения.

Литература:

1. Крохина Ю.А. Финансовое право. М.: Норма, 2008. С. 351.
2. Бойко Н.Н. Уголовно-правовые аспекты ответственности бюджетных учреждений за нецелевое использование бюджетных средств // Российский следователь. 2007. № 10. С. 14-15.

Акчулпанова А.Ф

Студентка I курса экономического факультета СФ БашГУ

Магадиева А.У

Студентка I курса экономического факультета СФ БашГУ

Научный руководитель: к.ю.н. **Чернова Э.Р.**

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В РОССИИ

Ключевые слова/ Keywords: насилие/ violence, ребенок/ child, социальная защита/ social protection, родители/ parent

Семейное насилие – явление достаточно распространенное во всем мире и во всех слоях населения, охватывающее людей разных уровней образования и любой национальности. Актуальность темы заключается в том, что данная проблема в России до сих пор не стала объектом открытого общественного обсуждения; жертвы домашнего террора не верят в возможность реальной защиты со стороны государства, проводится недостаточное количество исследовательских работ, отсутствует система социальной защиты населения от насилия.

Главная проблема состоит в том, что насилию подвергаются беззащитные дети. Они не могут постоять за себя. Ребенок, в отличие от взрослого человека, в редкой степени способен противостоять требованиям родителей, так как во многом просто зависим от родителей. Порой ребенок выбирает подчиняться мнению родителей вопреки своей воле, опасаясь отвержения со стороны родителей в случае неповиновения. Родители имеют привычку, выбирать за ребенка их интересы, и в некоторых ситуациях, это вполне нормально, если это не противоречит воле ребенка. Однако когда одна сторона требует что-то очень директивно – это насилие. Когда речь идет о договоре, тогда нет насилия.

Среди причин возникновения жестокого обращения с детьми можно выделить следующие: безработица или низкая материальная обеспеченность; алкоголизм одного или обоих родителей; одиночество или распавшийся брак; слишком маленькое жилье, усиливающее напряженность; озлобленность родителей или разочарованность в жизни; физическое или психическое переутомление; чрезмерная требовательность, рождение другого ребенка;

Мы провели опрос, в котором приняло участие 90 человек в возрасте 16-18 лет. Исследование показало следующий результат: насилию в семье подвергались 40% опрошенных, это продолжалось примерно до 10-ти лет, 65% считают, что они имеют собственное мнение.

В российском законодательстве в целом сформулирована правовая основа обеспечения прав детей в новых социально-экономических условиях. Развитие национального законодательства осуществляется в целях более полного его соответствия принципам и положениям Конвенции ООН «О правах ребенка», а также создания правовых условий для профилактики социального неблагополучия ребенка. Приняты федеральные законы, защищающие права ребенка в России: «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», «Об основах

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей». Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» имеет большое значение для формирования идеологии и практики защиты прав детей. Он устанавливает, что государственная политика в интересах детей является приоритетной областью деятельности органов государственной власти Российской Федерации [2].

Ст. 56 Семейного Кодекса РФ [1] закрепляет право ребенка на защиту своих прав и право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей. При нарушении прав и законных интересов ребенка, при злоупотреблении родительскими правами, жестоком обращении ребенок вправе обратиться за их защитой в орган Опек и попечительства при администрации района, а по достижении 14-ти лет в суд. Должностные лица организации, иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни, здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, фактов жестокого обращения, обязаны сообщить в органы Опек и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. Функции защиты прав несовершеннолетних возложены на Органы опеки и попечительства при Администрациях районов, прокуратуру (помощнику прокурора по защите прав несовершеннолетних), инспекцию по делам несовершеннолетних при РОВД районов, комиссии по делам несовершеннолетних.

Таким образом, проблема жестокого обращения с детьми является социальной и правовой проблемой, которая может быть решена совместными усилиями вышеперечисленных структур на государственном уровне с привлечением квалифицированных специалистов, в том числе юристов. Вместе с тем, должны быть разработаны меры по профилактике этого явления, основанные на глубоком знании и анализе причин жестокого обращения с детьми. Необходимо создать специальные центры правовой и социальной защиты детей и подростков, с которыми жестоко обращаются в семьях, образовательных учреждениях. Проблема домашнего насилия на современном этапе развития общества требует немедленного разрешения со стороны всех сфер жизнедеятельности человека.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Собрание законодательства РФ.1996, № 1, ст. 16.
2. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

